

СПАСАТИ ЧАЭС

Книга 2

ПРИПЯТЬ

1979

ДАМИРОВ И ГАУСС

Спасти ЧАЭС

Максим Гаусс

Спасти ЧАЭС: 1985. Книга 2

«Автор»

«Автор»

2023

Гаусс М.

Спасти ЧАЭС: 1985. Книга 2 / М. Гаусс — «Автор», «Автор»,
2023 — (Спасти ЧАЭС)

Алексей Савельев продолжает службу в армии, постепенно приближаясь к выполнению поставленной цели – предотвратить аварию на Чернобыльской АЭС. Используя знания о будущем, он проверяет версию за версией, пока не выходит на след того, кто реально может быть причастен к роковому взрыву четвертого энергоблока...

© Гаусс М., 2023

© Автор, 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	25
Глава 5	32
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Максим Гаусс, Рафаэль Дамиров

Назад в СССР: 1985. Книга 2

Глава 1

Не ожидая подобного, я напряженно смотрел на направленный мне в грудь пистолет.

А ведь совсем недавно я уже был в центре фальшивой истории, в меня точно так же целился капитан Армии России, по фамилии Гнездов... И чем все это тогда обернулось?!

Правильно, моей внезапной смертью.

– Рыгалов? – переспросил я, изобразив недоумение. – Не знаю такого.

Разумеется, я прекрасно помнил и знал, кто это такой – начальник стрельбища в Молькино. Тот самый мордатый офицер, что решил свалить всю вину на солдата.

– Савельев, не прикидывайся, – усмехнулся Харченко. Пистолет он держал как-то небрежно, словно не собирался из него стрелять. – Рыгалова ты запомнил. Понимаешь, во что ты влез? Думаешь, умнее подполковника?

– Не знаю, – пробормотал я, думая о своем. Интересно, в чем смысл этого? Хотели бы отомстить – уже пристрелили бы. К чему эти бессмысленные разговоры? Вот и первый звонок.

Явно расчет точно такой же, как тогда в РОВД Припяти – решили запугать восемнадцатилетнего пацана, а для убедительности еще и ствол направили. Быть может, даже не заряженный. Расчет-то, может, и верный, однако меня этим не испугать. Вот только мотив всего этого мне пока непонятен.

– Ну, допустим. Дальше что? – признался я. Голос даже не дрогнул – сам поразился собственной стойкости. Наверное, это потому, что ранее отмеченных наблюдений хватило, чтобы сделать правильные выводы.

– Подполковник крайне недоволен, – Харченко говорил медленно, словно наслаждался тем, что держал ситуацию под своим контролем, отмечая мою реакцию. – Ты в курсе, что из-за тебя, желторотого сосунка, боевого офицера не только сняли с должности, но вообще и с позором выгнали из советской армии? Нет? Теперь знаешь.

Все это было как-то неестественно. Нутром чувствовал, в чем-то подвох.

– И поделом этой жирной морде, – сдержанно ответил я, играя по его правилам. – Без зазрения совести скажу, что как офицер – он кусок дерьма. Стране от таких только хуже.

– И кто это сказал? Сопливый срочник? – язвительно усмехнулся прапорщик. – Да откуда ты знаешь, что для страны лучше?

– А что, разве срочник не человек? – в свою очередь, спросил я.

– Да ты... Умный, да? Ну все, тебе конец! – едва не подавившись от возмущения, зарычал Харченко, при этом резко сменив тактику. Он вытянул руку с пистолетом, целясь мне в лицо. Но тут я решил действовать наверняка – резко качнулся в сторону, одновременно швырнув свой вещевой мешок в направлении оружия. Выстрела не последовало.

Сам же я, завалившись на пол, перевернулся на спину. Прапор, откинув вещевой мешок в сторону, перевалился через перегородку, по-прежнему держа «Макара» перед собой.

– Куда, сучонок...

Я изловчился и совершил резкий удар ногой снизу вверх, выбив оружие из руки противника. Второй удар я нанес уже ему в пах – удар подлый и жутко болезненный. Тем не менее, он гарантированно сработал. Харченко взвыл от боли, завалился обратно. А я, дотянувшись и подхватив выбитый пистолет, ловко направил его на бывшего хозяина.

Увидев у меня в руках собственный ствол, рычащий от боли и злости прапорщик неожиданно замер и через боль неожиданно рассмеялся.

– Что смешного? – поинтересовался я, с трудом сохраняя над собой контроль. Сердце бешено колотилось от попавшего в кровь адреналина. Голос слегка дрожал.

– Он не заряжен, – процедил прапор.

Я кивнул и демонстративно снял с предохранителя. Харченко удивленно поднял бровь.

– Молодец, смысленый. Откуда такие навыки?

– Неважно. Что это за цирк? – я проигнорировал его вопрос.

– Какой еще цирк?

– Рыгалов тут ни при чем. Кто ты такой?

По озадаченному лицу Харченко я понял, что попал в точку.

– Просто небольшая проверка, – вздохнул тот, кое-как приняв сидячее положение. Скривился от боли. Посмотрел на меня с укоризной.

Затем полез во внутренний карман кителя и демонстративно вытащил оттуда корочку в красной обложке. Только это удостоверение было уже совсем другим. Он раскрыл его перед моими глазами.

– Пономарев? – переспросил я, увидев черно-белую фотографию и прочитав звание и фамилию. – Старший лейтенант?! Фальшивка?

– Может быть. А может, и нет, – безразлично ухмыльнулся тот. – А ты, я смотрю, совсем бесстрашный?

У нас получалась какая-то глупая игра, кто окажется более хитрым и сдастся. Но в таких играх победитель определен заранее, и я не в фаворитах.

– Нет, – я сразу же догадался, какую структуру из трех букв он представляет. Естественно, озвучивать название какому-то шивому срочнику он не собирался. – Контора добрых дел?

– Контора добрых дел? – пояснил он на всякий случай. – Интересное название, первый раз такое слышу. Не переживай, никто тебя убивать не собирается и Рыгалов тут не при делах.

– Я сразу догадался, что подполковник тут ни при чем, – хмыкнул я.

– Пистолет-то отдай. Все равно он не заряжен.

По весу Макарова я давно определил, что в магазине не было патронов – слишком легким было оружие. За годы службы и сотни проведенных тренировок в тире я прекрасно знал вес снаряженного пистолета Макарова. На всякий случай сбросил магазин, передернул затворную раму, развернул рукояткой вперед и сунул обратно.

Старлей невесело рассмеялся, протянул руку и принял оружие обратно.

– Об этом лучше не распространяться.

– Хорошо. Но объясните мне, наконец, товарищ старший лейтенант, к чему весь этот спектакль?

– Хочешь узнать? Тогда, давай прокатимся. Или можешь просто уйти из машины. Шарага недалеко, километрах в пяти через поле на восток. Выбор за тобой.

Потирая пострадавшую руку, он сел обратно за руль и завел двигатель. Вцепился руками в руль, но никуда не поехал.

Я делал вид, что размышлял, хотя уже давно принял решение. Кое-кто мной заинтересовался, и это можно использовать в своих целях. Но очень осторожно.

– Ладно, поехали, – просто ответил я.

«Буханка» без всяких капризов тронулась.

Минут пять ехали молча. Оказалось, направлялись мы четко к нашему гарнизону.

По приезде на место, Пономарев высадил меня у здания штаба. Выбрался и сам. Чуть прихрамывая на правую ногу, он подошел ко мне и указал в сторону входа, в недавно отремонтированную, но пока еще пустую казарму. Там, у дверей, стоял незнакомый мне человек в черной гражданской одежде. Рядом, в месте для курения, стояла еще пара знакомых офицеров.

Заметив машину, гражданский внимательно смотрел в нашу сторону.

Я узнал его – это был тот самый наблюдатель из пункта управления на стрельбах. Мне тогда не удалось его рассмотреть – он ничем не выделялся. Самый обычный человек, возрастом около сорока.

– Идем за мной, – сухо сказал Пономарев.

Меня завели внутрь казармы, провели в помещение Ленинской комнаты. Прикрыли дверь. Пономарев на всякий случай остался у входа.

Ну а я осмотрелся и сел на стул, который был демонстративно выдвинут из-за стола. Смутное предчувствие посетило меня – собираются вербовать, что ли?

– Алексей Сергеевич Савельев... – начал гражданский, присев рядом со мной за стол. Перед ним лежала какая-то картонная папка с торчащими из нее листами бумаги. К моему удивлению, туда он даже не заглянул. – Шестьдесят шестого года рождения, родом из Воронежа. Последние несколько лет живете вместе с семьей в городе Припять, Украинской ССР, с семьдесят пятого года. Все так?

Я молча кивнул. Гражданский оказался человеком в возрасте чуть более за сорок, с жестким лицом и пронизательным взглядом. Прямоходящий полиграф.

– Можете звать меня Андрей, – представился он. – Думаю, ты уже понял, кто мы такие и какую организацию представляем?

Снова кивнул.

– Признаюсь, я в недоумении, – произнес чекист. – Твои морально-волевые качества весьма достойны уважения. Ты смело, даже практически безрассудно действовал в сложной ситуации, повел себя весьма нестандартно. Действовал крайне решительно, без лишних раздумий. Твоими усилиями был спасен боевой товарищ, ты привлек внимание. И самое главное, не побоялся выступить со справедливыми замечаниями против старшего по званию...

Примерно минуту он размышлял.

– После ты определил и обезоружил уже нашего сотрудника, хотя будь на его месте кто другой, у тебя бы не получилось. – Андрей бросил быстрый взгляд на Пономарева. – Как ты это сделал?

Мне предстояло выкрутиться из хитроумной ловушки – меня прощупывают, пытаются понять, что я за фрукт такой. И ведь им есть до чего докопаться, тут не поспоришь.

А ведь серьезно все получилось, еще как. Сначала я попал в поле зрения комитетского там, во время выяснения отношений с Рыгаловым, потом обо мне навели справки в беседе с майором Суховым, а затем с легкостью подняли мое личное дело... Затем, понаблюдав, в короткие сроки они решили устроить мне небольшую проверку с целью понять, что я за фрукт и как меня употреблять. Что ж, очень неожиданно. Не думал я, что таким образом вообще кого-то вербуют, хотя и знал, что методы у чекистов используются самые разнообразные, порой даже непредсказуемые.

– Все очень просто, – выдохнув, произнес я. – Простое наблюдение, ничего сложного. Ну да ладно, расскажу по порядку. Во-первых, Ваш Пономарев приехал на «Буханке» один, без водителя – так не бывает. Во-вторых, его внешний вид слишком бросается в глаза. Руки не похожи на того, кто ими всю жизнь горюче-смазочные материалы качает. Поведение странное, нетипичное. И к тому же, меня уже кое-кто предупредил, что могут быть последствия.

– Считаю, что обычный вчерашний школьник на это неспособен! Слишком уж хладнокровное поведение и самообладание. Итак?

– У меня аналитический склад ума, с детства способность трезво оценивать обстановку. А сейчас я не сделал ничего феноменального. Так что, ничего странного.

– А ты никогда не думал попробовать реализовать свои таланты в другой сфере? Ты, хотя и сложная, но вполне подходящая кандидатура для обучения... Нет, даже не так. Скорее для того, чтобы оказывать содействие в решении некоторых вопросов, помогать с информацией.

От услышанного я едва не подавился. Видимо, у меня на лице все отразилось, потому что Андрей едва заметно улыбнулся, затем продолжил.

– Сотрудничество с нами даст определенные плюсы. Но об этом потом. Сначала ты закончишь обучение здесь, в Молькино. Сдашь зачеты. Затем, скорее всего, поедешь в одну из воинских частей кодировщиком, об этом тоже поговорим позже.

– Осведомителем, значит? – угрюмо произнес я, отворачиваясь.

– Да. А что, это проблема?

– Никогда о подобном не думал.

– Ну так подумай, – при этих словах Андрей неожиданно встал. – Подхватил мое личное дело, затем направился к выходу. Хлопнула дверь, Пономарев скрылся следом за ним, а я остался в полной тишине.

Обернулся к двери, постучал пальцами по столу.

Признаюсь, окончание разговора получилось совершенно неожиданным. Это что, все? Я ожидал, что меня будут давить, уговаривать... Но нет, видимо, у чекистов была иная позиция. Они даже не позаботились о том, чтобы я молчал о произошедшем. Очень странно.

Хотя с другой стороны – кто воспримет всерьез слова восемнадцатилетнего солдата-срочника? Или же они были твердо уверены, что делать такие утверждения излишне? Черт их разберет.

Минут через пять я встал, вышел из Ленинской комнаты. Осмотрелся.

Эта казарма была отремонтирована совсем недавно, но по ряду причин она пока не являлась жилой. И тем не менее, я очень удивился, когда внутрь «располаг» вошел сержант Васильев. Я бы даже сказал, не вошел, а прокрался... Подмышкой у него был какой-то свёрток.

Увидев меня, он даже растерялся.

– Савельев? – пробормотал он, однако уже через секунду справился с неожиданным потрясением. – Ты чего здесь забыл?

– Туалет искал.

– Какой на хрен туалет, Савельев! Эта казарма на ремонте! – повысил голос сержант. – Ну-ка, марш к командиру роты, доложи о прибытии из госпиталя.

– Есть!

Я проскользнул мимо Васильева, вышел на улицу. Вдогонку мне прилетело что-то похожее на «оборзевших духов».

Заметил, что «буханка» вместе с людьми из конторы добрых дел уже пропали с территории. Ну понятно, у них везде зеленый свет.

Направился к своей казарме, рассчитывая застать майора Сухова на месте. Но к моему удивлению, судя по всему, на его место уже назначили другого офицера, временно исполняющего обязанности командира роты. Дневальный, из числа «своих», заметив мое появление, очень обрадовался.

– Леха! Савельев! Вернулся?

– Ну да. Привет, Миша. Как вы тут?

– Ой, да не очень. После того случая на стрельбах, тут черт знает что началось. Сержанты злые, гоняют нас день и ночь по плацу, постоянные физические тренировки. Только вчера уехала какая-то проверяющая комиссия, четыре дня работала. Всем досталось.

– Странно, а ко мне они даже не зашли, – удивился я, глядя по сторонам. – А что про меня говорили?

– Да про тебя вообще разговора не было. Ну как ты на полигоне Генку спас, из оврага какого-то вытащил – это все наши знают. Иванец вроде ногу сломал и еще воспаление легких подхватил.

– И все?

– Еще как связался с нашим командованием, как вертолет к вам отправили. Только вот Сухову влетело. Его даже с должности сняли. Слушай, как там Гена?

– Жить будет, что ему сделается. В госпитале очень хорошие врачи, мертвого на ноги поставят. Миша, а кто сейчас за командира?

– Старший лейтенант Кабанов, – Миша бросил недовольный взгляд в сторону взлетки. – В канцелярии сидит.

– И как он? Адекватный?

– Да как, как... Не очень. Скоро сам все увидишь.

Вдруг из умывальной комнаты вышел дежурный по роте, младший сержант Бойко. Поправляя кожаный ремень с отполированной до блеска металлической бляхой, он громко зевнул. Увидев меня, сразу поменялся в лице.

– Савельев? Что, закончил в госпитале валяться? Тебя двенадцать дней не было!

– Так точно, товарищ младший сержант.

Бойко скривился, махнул рукой.

– Иди к Кабанову.

– А где наш майор Сухов? Мне с ним поговорить нужно.

– А мне не нужно, – рявкнул младший сержант. – Шагом марш в канцелярию.

Сняв бушлат и определив его на табурет рядом с кроватью, я отправился в канцелярию. Шел и думал, что ж там меня ждет?

Постучал в деревянную дверь, выждал короткую паузу, затем толкнул ее и спросил:

– Товарищ старший лейтенант, разрешите войти? Рядовой Савельев!

– Я же просил меня не беспокоить, – откуда-то из глубины помещения раздался недовольный голос. – Где дежурный? Ай, ладно! Входи!

Оказавшись в офицерской канцелярии, сначала я никого не увидел – внутри было накурено так, что сизый дым витал под потолком. На столе стояла пепельница, утыканная окурками, из нее тонкой струйкой к потолку поднимался дым. Рабочий стол завален какими-то бумажками, папками.

Только спустя пару секунд я разглядел за столом человека. Кителя на нем не было, только рубашка, поэтому я мог лишь догадываться о том, кто передо мной. По возрасту около тридцати пяти, рожа угрюмая. Короткая стрижка ежиком – под стать голове, похожей на горшок.

– Ты еще кто? – спросил он, уставившись на меня хмурым взглядом.

– Рядовой Савельев, прибыл из военного госпиталя! Без замечаний!

– Савельев? Тот, из-за которого все это дерьмо заварилось? – с явным пренебрежением протянул он, впившись в меня глазами. Затем привстал из-за стола, неторопливо подошел ко мне. Я с удивлением отметил, что рост у него где-то около ста шестидесяти пяти сантиметров, не больше. Ниже меня на голову, почти гном. Да-а, не соответствовал товарищ капитан своей фамилии от слова совсем.

– Не могу знать, – пришлось традиционно включить «дурку».

Кабанов подошел поближе, заглянул мне в глаза. Затем ткнул меня пальцем в грудь и прошипел:

– Что не можешь знать?! Думаешь, умный? Из-за тебя друга моего отца сняли с должности. А я Валерия Федоровича с десяти лет знаю. Хороший человек, помог продвинуться по службе и отцу, и мне. Ему через полгода полковника можно было получать. И надо же было ему на пути такому имбецилу, как ты, попасться?!

Я промолчал. Сразу понял, что человек передо мной – кусок говна, терпеть таких не могу. Что толку с этим самодовольным гномом бодаться? Все равно ничего не поймет.

– Ну, что смотришь? Думаешь, мне хотелось на эту дрянную должность? Да мне два месяца до капитана оставалось... Тьфу! Я тебе вот что скажу! Как закончится специальный курс и взвод сдаст все зачеты, ты у меня на Новую Землю уедешь, понял? – Кабанов, буравя

меня ненавистным взглядом, продолжал гнуть свое. – Пингвинов кормить и на белых медведей смотреть!

Мне стало противно – и это офицер? Как низко нужно опуститься, чтобы, пользуясь служебным положением, вот так оскорблять солдата-срочника?! Как же мне хотелось дать ему в челюсть, но я держался. Видно было, что вояка меня намеренно провоцирует.

– Что толку с тобой разговаривать? Ума как у хомяка. Раз выписался, пошел вон отсюда, – старлей резко развернулся и вернулся к своему столу. Спустя секунду, обернулся ко мне: – Ты еще здесь?

Я развернулся, вышел за дверь. Даже слегка хлопнул ею.

Вернулся к своей кровати, развязал вещевой мешок, принялся извлекать оттуда рыльно-мыльные принадлежности и вещи. Не прошло и пяти минут, как в роту притащился сержант Васильев. Вместе с Бойко они отрядили меня в помощь наряду, чтобы в туалете было чище.

Через час наш взвод прибыл с занятий. В общем-то, все ребята со взвода были рады меня видеть, кроме тех «земляков» с Урала, из-за которых все и началось. Они собрались вместе, косились на меня хмурыми взглядами, но подходить не смели. Я послал им дерзкую ухмылку.

Начались расспросы про Генку, про то, что произошло на точке оцепления – видимо, правду скрыли. Однако все понимали, просто так комиссии с расследованиями не приезжают.

Затем нас отвели на обед. Какой-то макаронный суп, рис с котлетой и компот. Из всего этого только котлета оказалась нормальной. Макароны разварились, рис был в виде разваренной полужидкой массы, а про напиток можно было сказать, что это вода с запахом компота.

Во второй половине дня взвод отправился на специальную дисциплину.

Работали на специальной засекречивающей аппаратуре связи, используя ленты и ключи. Были еще кодировочные таблицы, но их упомянули лишь вскользь. В общем-то, работать на технике было несложно, хотя порядок действий при обработке входящих сообщений мне давался с трудом.

С исходящими было куда проще. Конечно, по сравнению с остальной группой я все делал заметно медленнее, но это меня не расстраивало. Догоню, куда я денусь.

Пока была возможность, подошел к преподавателю – седому майору с лысой головой. Тот пообещал помочь быстрее освоить теорию. Мне было очень важно понять специальный предмет, касающийся боевого применения засекречивающей аппаратуры связи.

Сам не заметил, как наступил вечер. Уже в пять часов было темно, поэтому, обратно в казарму мы возвращались по темноте. Как раз в это время зажглось уличное освещение. Было еще около часа, чтобы привести форму одежды в порядок и накремить сапоги.

Я отправился в кандейку, чтобы взять новые банки с гуталином – расходовался он со скоростью света. По всему выходило, что для того, чтобы более-менее начистить кирзовые сапоги, нужно было потратить чуть ли не треть банки... Ища нужный коробок между заставленными всяким хламом стеллажами, я отчетливо услышал, как приоткрылась входная дверь и внутрь помещения вошли двое неизвестных. Краем уха услышал знакомые голоса:

– Сегодня ночью все сделаем. Надоело ждать.

– А ты уверен? – второй голос принадлежал рядовому Трусову.

– А куда он денется! – нагло усмехнулся второй. – Тем более, он теперь один.

Я сглотнул – кажется, этой ночью против меня что-то готовилось...

Глава 2

Вместо тревоги и страха я почувствовал только живое любопытно.

Недолго думая, вышел из-за стеллажа и увидел перед собой своих сослуживцев из числа тех, с кем удалось «подружиться». Как я и ожидал, один из них оказался Трусовым – был в составе тех, что уже пытались сделать мне «темную». Помнится, тогда мы с Генкой всыпали им так, что мало не показалось. А перепугавшийся Трусов истошно заорал на всю «располагу», будто его убивают. Мышь позорная.

Но оказалось, что либо старое забывается, либо у некоторых просто память короткая. Они снова начали что-то мутить.

Вторым был рядовой Зайцев, тоже из числа уральцев. Довольно крупный юноша, откуда-то с центральной части Союза. Негласно был у них заводилой, по крайней мере, так мне казалось.

– Савельев?! – изумленно произнес он, заметив мое появление. Оба потеряли дар речи.

– Что? Не ожидали меня здесь увидеть? – усмехнулся я, подходя ближе. – Ну, рассказывайте, что будете сегодня ночью делать? Вы бы хоть убедились, что здесь никого нет.

– А? – протянул Трусов, хотя глаза предательски бегали.

– Ты слышал, – улыбка пропала с моего лица.

Оба растерянно переглянулись.

– Савельев, что, смелый, да? – лицо Зайцева исказила гримаса. Он уже понял, что закосить под дурачка в сложившейся ситуации не получится. Шагнул ко мне, рука его дернулась, словно хотел что-то сделать, но в последний момент резко передумал. – Похвально, но зря. Ведь ты сейчас один, а Иванец в госпитале. Некому тебя защищать.

– Защищать? Меня? Да я и сам справлюсь, – злорадно улыбнулся я, затем быстрым ударом зарядил ему в солнечное сплетение. Бил несильно, но так, чтобы тот прочувствовал весь букет ощущений.

От неожиданности Зайцев охнул, схватился за грудь и, качнувшись, рухнул передо мной на колени. Я намеренно отошел назад и обратился к Трусову.

– Ну, ты тоже хочешь? – поинтересовался я, глядя на него, как на противное насекомое, кем он, по сути, и являлся. Тот смотрел на меня со смесью страха и ненависти.

– Зря ты это сделал... – прошипел тот, явно опасаясь связываться со мной в одиночку. – Ты не понимаешь.

– Конечно, не понимаю, – продолжил я, шагнув к нему. – Вы – жалкая горстка придурков, отчего-то решивших, что можете диктовать тут свои правила!? Да ни черта подобного. Военский коллектив – вещь сложная, в нем нужно адаптироваться, пропустить через себя. Стать одним целым. Если сложится обстановка, при которой придется всем вместе принимать бой, такие, как вы, сдохнут первыми! И все потому, что сами не разобрались и других в дерьмо втянули. Вы, черти, собрали тут группку земляков и считаете, что таким образом обойдете за века сложившиеся правила? Что, в наряды ходить не хочется? А придется! Все ходят, даже сержанты. Самые умные, что ли?

Трусов молчал. Я буквально чувствовал исходящий от него страх, круто перемешанный с ненавистью. Но твякать он не рискнул бы.

– Слушай сюда, потом Зайцу передашь! Либо вы перестанете валять дурака, либо кому-то будет очень больно, – я протянул руку и поправил на груди оппонента смятый китель, улыбнулся ему. – А знаешь, вот сейчас моя чуйка подсказывает другое. Полагаю, что мои слова вы не воспримите всерьез, поэтому выберите второй вариант. Дело ваше. Я предупредил.

Я повернулся, посмотрел на сидящего на коленях рядового Зайцева, хмыкнул.

– Ладно, пойду я. Друга забери, а то, кажется, ему нехорошо, – рассмеялся я, и, плечом отодвинув Трусова, вышел из кандейки.

До самого вечера все было тихо. «Земляки» ходили мимо и делали вид, что ничего не произошло. Лишь сам Зайцев кидал на меня ненавистные взгляды, но этим все и ограничивалось. Я не сомневался – они устроят мне какую-нибудь подлянку. Скорее всего, ночью.

Прошел ужин. Тушеная рыба с отварным картофелем и хлеб. Ну, еще чай.

Вообще, кормили нас неплохо. А по советским меркам и вообще хорошо. К счастью, из-за того, что личного состава было относительно немного, наряд по столовой справлялся хорошо. Известно, что чем на большее количество людей готовится еда, тем хуже готовое блюдо. Из-за экономии и не соблюдения пропорций. Если собрать всех, кто питался в столовой, то можно смело заявить, что число ртов не превышало отметку в семьдесят человек.

С моим возвращением из госпиталя произошли и некоторые перемены. С подавляющим большинством сослуживцев отношения у меня были хорошие, уверенные. Лишь шестерка уральцев, из которых один вечно лежал в лазарете, точили на меня зуб. Хотя изначально я им вообще ничего плохого не сделал. Сержантский состав больше не гонял – тот случай на стрельбище они оценили, хотя и не показывали это.

Прошла вечерняя прогулка, затем поверхностный медицинский осмотр. Делалось это для того, чтобы убедиться, что в строю нет тех, кто у кого проблемы со здоровьем.

Наряды теперь распределял не я, и слава богу. Муторное это, неблагодарное занятие – считать, кто и сколько уже отходил, кому нужно накинуть дополнительно. Умывшись и почистив зубы, я отправился к своему спальному месту. Мне сразу показалось, что синее одеяло, которым была застелена кровать, лежит как-то неестественно, даже примято. Откинув край, я стал свидетелем того, что весь пододеяльник был перемазан гуталином.

– Ну что за детский сад? – пробормотал я, оглядевшись по сторонам. Почти сразу столкнулся взглядом с Зайцевым.

Тот выдавил кривую усмешку, отправился в умывалку.

Ладно, мы негордые. Сорвал пододеяльник, смял его. Отправился за придурком, уже понимая, что гуталин был использован ими как предлог, чтобы взбесить меня. Взбесить не удалось, но внимание к себе они привлекли, безусловно. Неожиданно на моем пути возникло препятствие. Дверь каптерки распахнулась и оттуда выбрался Васильев – вид у него был странный, как будто что-то задумал.

– Оп, Савельев! – он ткнул в меня пальцем. – Так! Рыльно-мыльные процедуры закончил?

– Так точно, – вздохнул я, понимая, что стороннее обстоятельство обойти не получится.

– Вот и хорошо. Заходи, – он кивнул на дверь в каптерку.

– Зачем?

– Не понял. Савельев?! Это приказ! – возмутился сержант, тут же нахмурившись. – Сейчас наряд выхватишь. Ну?

Я кивнул, вошел внутрь, Васильев прикрыл за мной дверь.

Внутри каптерки уже сидели Петров и Бойко, оба в одних штанах, без верха. Оба вспотевшие. На полу лежал спортивный инвентарь. Ну, все ясно.

Частенько замечал, что после отбоя наши сержанты занимаются спортом. Очевидно, что к дембелю хотят массу нарастить, жир согнать ну и чтоб мышца появилась – нормальное желание каждого солдата, готовящегося к дембелю. Надо же потом покрасоваться накачанными мышцами?!

Для этого они заранее натаскали в каптерку гантели, гири. И по вечерам, через день устраивали прокачку, соревнуясь друг с другом. Иногда приходили сержанты с других точек, у которых личного состава не было.

– Так, Савельев! Ты вроде не дрыщ, давай так... – начал воодушевившийся Бойко. – Отожмешься больше, чем я, получишь банку сгущенки!

– Ну-у, ты не распыляйся особо, Серега! – фыркнул Петров, оценив приз.

– Нормально все! – тот, не приемля возражений, качнул головой. – Банка сгущенки – самое то! Я у Макара в столовой аж шесть банок отжал. Все равно столько сами не сожрем. Да и достала она уже. Лучше бы тушенку дал.

– Угу... А он где жрать будет? – Петров махнул в сторону двери рукой. – Под одеялом?

– А если я проиграю? – уточнил я, прервав дискуссию.

– Ха-ха... Э-э! Ну ладно... Наряд вне очереди во внешний патруль!

– Идет! – усмехнулся я.

Перспектива, конечно, так себе. Бродить по периметру в течение суток мне несильно хотелось, зато была куча времени подумать.

– Ну, тогда первый и начинай! – потер руки Бойко, затем достал из-под стола банку, бахнул ее на стол. – Вот суперприз! Давай, упор лежа принять!

Я принял стойку, начал под счет. Делали без контроля, расстояние от груди до пола не фиксировали. Мы же не на олимпиаде, в конце концов.

Первые тридцать раз прошли легко и быстро – Васильев считал, как положено, без обмана. Еще двадцать пять я сделал уже с должным усилием, но по правилам и в счет. Следующие двадцать пошли уже через силу и напор, таким образом, добив общее число повторений до семидесяти пяти. Иногда сержант филонил, пропуская отдельные повторения. Я не реагировал.

– Ну, Савельев! Выдохся? Нет? Что, неужели так сгущенки захотелось? – подначивал Петров, глядя то на меня, то на младшего сержанта Бойко. Последний стоял рядом со столом, вид у него был озадаченным.

В общем-то, на алюминиевую банку со сгущенным молоком внутри мне было фиолетово, тут дело принципа. Продолжал выполнять, уже порядком устав и вспотев. Появилась одышка, а мышцы, хотя и подготовленные, тоже начали ощутимо ныть. С каждым повторением все сильнее.

– Девяносто! Девяносто два! – Васильев уже просек, что я выдыхаюсь, а потому и считал уже с большим азартом. – Сто одиннадцать.

Зато Бойко все больше мрачнел – видать, счет был выше его возможностей.

На девяносто девяти я выдохся. Руки предательски подвернулись, и я рухнул плашмя на пол. Мышцы, словно задервенели.

– Вот и все, – Васильев довольно хлопнул по столу. – Девяносто девять раз. Еще бы раз и сотка, ну да, силенок не хватило. Серега, мне кажется, он тебя сделает! Давай, твоя очередь.

Тот потер ладони друг о друга, вдохнул-выдохнул. Принял упор лежа и принялся за дело. Поначалу у него шло не очень – торопился и, видимо, считал, что не осилит, зато потом выровнялся. Дошел до восьмидесяти, приостановился, чтобы перевести дыхание. Силы почти исчерпал, но действовал лишь на морально-волевых и осознании того, что не может проиграть простому срочнику. То, что я был непростым срочником, во внимание не берем, потому что об этом знал только я.

Младший сержант упрямо выжимал повторения дальше, но все-таки не выдержал и рухнул животом на деревянный пол. Судорожно выдохнул, что-то процедил.

– Ну-у, Серега! Девяносто семь! Ты чего, еще пару раз выжать не мог! – разочарованно произнес Петров. – Тебя же Савельев сделал! Бабка ты чахлая!

– Отстань, ты и девяносто не вытянешь, – с досадой процедил Бойко, кое-как поднимаясь с пола и разминая затекшие руки. Посмотрев на меня, он с нескрываемым уважением произнес: – Молодец, твоя взяла, но сгущенку не дам. А то Кабанов увидит, вопросы будут. Он уже даже по сержантским тумбочкам роется.

– Как раз сам собирался отказаться! – пошутил я, бросив взгляд на банку. – А вот в наряд за территорию я все равно сходил бы.

– И на черта тебе это? – хмыкнул Васильев.

– Да что-то в роте душно, – признался я, вспомнив про «друзей».

Сержанты переглянулись.

– Не понял, это как?

– Да никак. Проветриться после госпиталя хочется.

– Темнишь, Савельев! Ну да ладно... Как раз завтра мой наряд, заступаю начальником патруля, – сказал Петров. – Со мной и пойдешь. Все. Дуй отсюда! Так, стоять... Что с пододеяльником?

Только сейчас они заметили, что в руке у меня был смятый и перемазанный гуталином пододеяльник.

– Ты что им, сапоги вытирал?

– Да нет, шутка неудачная, – пробормотал я.

– Возьми другой, завтра застираешь. Сегодня не успеешь, – внезапно смягчился Бойко.

Я произвел замену, затем двинулся к выходу. Толкнул дверь, шагнул на центральный проход и нос к носу столкнулся с Трусовым. Скорее всего, эта мышь казарменная стояла под дверью и подслушивала.

– И почему я не удивлен? – хмыкнул я, затем рассмеялся.

Ответа я от него не ждал, и так все было понятно. Прошел мимо, направился в сторону умывальной комнаты.

По пути взглянул на часы – до отбоя оставалось еще несколько минут.

Зашел, быстро смыл пот. Вытерся полотенцем. Из туалета послышались голоса. Кто там был, я и так знал.

Вышел. Как раз дневальный дал команду строиться на проходе.

Все двадцать пять человек выстроились в одну шеренгу. Из каптерки вывалился Васильев. Он уже привел себя в порядок – как ни крути, а за внешним видом временно исполняющий обязанности старшины следил и на построениях выглядел так, как требовал устав.

– Становись! Равняйся! Смирно! – скомандовал сержант, окинув нас хмурым взглядом. – Равнение налево!

Приставив руку к голове, он двинулся в сторону канцелярии, но Кабанов выбрался оттуда и сам.

– Товарищ старший лейтенант, взвод к отбою построен. Личный состав проверен, в наличии!

– Вольно! – лениво отозвался тот, проходя мимо строя. – Жалобы просьбы или пожелания есть?

– Никак нет! – хором отчеканили двадцать пять глоток.

– Ну и хорошо, – он остановился, смерил всех нас недовольным взглядом. – Отбой!

Все бегом бросились к своим кроватям. Погасили свет, оставив только дежурное освещение.

Стоит отметить, что часть наших кроватей были двухъярусными. Их в шутку называли «паровозами». Они стояли друг от друга на расстоянии чуть менее метра. В связи с тем, что роты, как таковой, еще не было, многие кровати были пустые. На них лежали скатанные в рулоны ватные матрасы.

Я прекрасно понимал, ночью что-то будет. Наверняка Трусов все передал своим «землякам». И хотя мой удар в солнышко дал понять Зайцеву, что церемониться с ними я больше не буду, все же чувствовал – не дошло до них. Захотят отомстить.

Именно поэтому сначала я лег на свою кровать, а спустя минут десять, когда товарищи уже сопели, я перебрался на соседнюю, на второй этаж, где ранее спал рядовой Иванов. Его буквально несколько часов назад перевели в лазарет с подозрением на аппендицит.

Под свое одеяло подоткнул пару плотных подушек и вещевого мешок. Имитация того, что под одеялом кто-то есть, конечно, не самая лучшая. Но я был уверен, в темноте сработает.

Так и получилось.

Минут через сорок после отбоя, в мою сторону, словно мрачные тени, устремилось четверо уральцев, таща с собой чье-то шерстяное одеяло. Задумку я разгадал сразу – накинуть, скрутить. Ну а дальше надавать по мягким местам. Цель не то чтобы прям искалечить, а скорее, напугать и поставить на место. Ну и чтоб пару синяков тоже осталось.

Вот они поравнялись с моей кроватью – я сразу опознал, кто из них Зайцев. Шептались, чем-то шуршали. Резко накинули одеяло сверху и принялись бить ногами, кулаками. То ли никого не смутило, что слишком уж мягкое у меня тело, то ли увлеклись процессом... Не знаю.

– Все, хватит, – зашипел кто-то, остановившийся первым.

– И правда, хватит! – усмехнулся я, затем резко выпрямил ногу и зарядил прямо в морду первому попавшемуся. Тот булькнул, ударился головой о кровать. Второй, дернулся ко мне навстречу, но я отработал его тем же приемом, что и первого. Тот сразу откатился куда-то в соседний проход, пропав из виду.

Зайцев, сообразив, что их надули, яростно зашипел. Разглядев меня на втором этаже соседней кровати, устремился в мою сторону. Я ловко спрыгнул вниз с обратной стороны, рванул влево. Уже в проходе, ловко увернувшись от неумелой «двойки» противника, я втащил ему точно в подбородок. Тот клацнул челюстями и, словно мешок с цементом, с грохотом приземлился между двух тяжелых армейских табуретов.

Что тут началось...

От неожиданно громкого звука, некоторые товарищи проснулись, непонимающе вертели головами, пытаясь понять, что произошло. Кто-то вскочил. Посыпались вопросы – неразбериха полная.

Ну а я, шагнув к поднимающемуся Зайцеву, ухватил его за ноздри, и подтащив к себе, процедил:

– Если еще раз, ты, мразь, или твои дружки ко мне сунутся, я тебе ухо откушу! Понял?

Тот возмущенно мычал, пытался вырваться. Кажется, его лоб был рассечен, на голове шишка – хорошо же он грохнулся.

Я понимающе кивнул, дал ему в челюсть. Клацнуло.

– Прости, не понял! – я приблизил ухо к его рту. – Что ты сказал?

Но тот только что что-то лепетал, плюясь кровью.

– Ладно. Позже поговорим! А пока будем считать, что ты меня понял, – я отпустил его и ловко шмыгнул под свое одеяло.

– Что происходит?! – со стороны раздался приближающийся топот сапог и суровый голос дежурного по роте. Это был Васильев.

В нашем крыле вспыхнуло дежурное освещение.

Только сейчас заметил, что Трусов тоже был в числе этой карательной группы – стоял и жался спиной к колонне. Оказалось, по счастливому стечению обстоятельств, а также собственной трусоватости, он снова не пострадал. Просто стоял и растерянно смотрел на своих подельников, которые поднимались с пола.

Зайцев пускал кровавые пузыри, но продолжал сидеть на полу.

– Что за ерунда? – Васильев уже был тут как тут, стоял и смотрел непонимающими глазами на уральцев. – Зайцев? Китаев? Трусов! Какого черта вы тут делаете? Вы спите в соседнем ряду!

Сержант перевел на меня вопросительный взгляд, но я умело соорудил сонное лицо, картинно собрал глаза в кучу. И вообще сделал вид, словно я тут ни при чем. Получилось очень правдоподобно.

Прокатило.

Зайцев вытирал разбитую губу, Китаев зажимал нос – моя нога прилетела ему точно в пятак. Если бы с обувью, нос сломал бы гарантированно, а так только мягкие ткани повредил.

– Так! Ну-ка, марш в умывалку, приводить себя в порядок! – приказал Васильев, затем продолжил: – А потом все трое ко мне в каптерку. Послушаю ваши страшные истории, как один споткнулся и упал, другой нес одеяло и случайно ударился о кровать, а третий...

С третьим все было в порядке.

Из канцелярии неожиданно высунулся старший лейтенант Кабанов.

– Дежурный, что там за черт?

– Рядовой Зайцев упал с кровати, все нормально, – отозвался сержант. – Сейчас разберемся!

Дверь в канцелярию хлопнула – недовольного жизнью старлея такие мелочи не интересовали. Старшина сам примет меры, не маленький уже. Его, похоже, вообще ничего в подразделении особо не волновало. Должность тоже, надеялся в самое ближайшее время соскочить куда-нибудь.

– Ну, чего встали? Шагом марш! – повторил команду Васильев, буравя их недовольным взглядом.

Куда деваться?! Вся эта гоп-компания уныло поплелась в умывалку. Дневальный погасил свет, а я повернулся на бок и довольно улыбнулся. Красиво получилось, да и я не при делах остался. Вряд ли эти «земляки» расскажут сержанту, что я один всю компанию на пятую точку посадил...

Так и заснул.

Спустя примерно семь часов традиционно прозвучала команда:

– Подъем! Строимся на центральном проходе!

Взвод повскакивал с кроватей, толкаясь и мешая друг другу, рванул на построение. С утра в казарме было не так уж и тепло, поэтому все мгновенно взбодрились.

Васильев вышел перед строем, туда же подошли младшие сержанты Петров и Бойко.

– Товарищи солдаты! – начал Бойко, осматривая личный состав. – Вы охренели?

Некоторые, кто спал крепко и были еще не в курсе, растерянно озирались по сторонам, гадая, в чем причина. Другие тоже пока недоумевали.

– Ночью, трое ваших сослуживцев заболели лунатизмом! – продолжил сержант. – Один случайно упал и об табурет разбил губу, другой треснулся лбом об раму кровати, а третий вообще... В общем, неважно. Я настоятельно рекомендую следующее... Еще раз увижу подобное, будем все вместе заниматься лечением этого недуга. Все ясно?

– Так точно! – ответили двадцать с лишним плотов. Естественно, не все – пострадавшие в это число не входили.

– Вот и ладно! Через пять минут строимся на утреннюю пробежку! – слово взял Петров. – Проветримся, а то вы как сонные мухи! Разойдись!

Пробежка прошла успешно, затем были утренние процедуры в умывалке, затем построение на завтрак. Мне на глаза попался Зайцев.

Тот старался на меня не смотреть, отводил глаза. Нижняя губа опухла, на голове большая шишка. На лбу заметное рассечение – наверное, когда падал, тормозил лбом. Вид у него был невыспавшийся – неизвестно, сколько времени они провели в каптерке.

Я решительно подошел к Зайцу на выходе из столовой. Толкнул плечом.

– Прости, не заметил. О, ну что, ко мне какие-то претензии есть?

Тот нервно дернул плечом, но не ответил.

– Не слышу!

– Нет, – пробурчал тот. Его аж передернуло при этих словах.

Конечно, тяжело признавать собственное поражение, особенно в его случае. Мало того, что не смогли прогнуть под себя, так еще и люлей получили, сначала от меня, потом ночью от Васильева.

Сержант ведь тоже не дурак. Догадался, что именно эти трое пытались совершить. И тот нюанс с перемазанным пододеяльником тоже. Беседа в каптерке затянулась надолго, поэтому он все узнал. Со мной говорить не стал, да и смысл?

Отмечу, что больше эта компашка земляков в мою сторону даже не смотрела. Правда, они еще пытались найти себе другую жертву, но кажется, безуспешно.

После обычного завтрака наш взвод отправился на специальные занятия.

Я планировал поскорее наверстать то, что пропустил, пока валялся с пневмонией в госпитале – чувствовал, очень пригодится. Теория сама по себе меня не завлекала, слишком все однообразно было. То, что считал нужным, записывал в специальную тетрадь, хранящуюся в секретном отделении. Их нам выдавали секретчики, специально на то уполномоченные. К концу обучения там набралось достаточно нужного материала.

А вот практика мне очень нравилась. Работать на специальной аппаратуре, одно название которой держалось в секрете, было очень интересно. Тут, кстати, очень многое зависело от преподавателя – если он тупо монотонно читал с методички, то грош-цена такому учителю. А вот если он насквозь изучил свой предмет, знал в нем каждую собаку и умел заинтересовать, приводя примеры – вот он залог успеха.

Нам повезло – попался именно такой. В течение декабря он не только разжевал нам весь материал и обучил работать на технике специальной связи, но и показал все нюансы, с которыми мы могли столкнуться. Подробно разъяснил проблемные моменты и как их решать. Теперь, со всей уверенностью я мог заявить, что готов к сдаче зачетов.

Их определили на пятнадцатое декабря. Обычные дисциплины мы сдавали прямо в процессе обучения. Всего зачетов было пять – общевоинские уставы, строевая подготовка, физическая и тактическая подготовки. Еще был отдельный зачет по сдаче норматива одевания общевойскового защитного комплекта и противогаза.

Со всем этим я справился на отлично. Строевую я еще с прошлой жизни не любил, но от нас и не ждали чего-то феноменального. Так что справился без проблем.

А вот спецкурс включал в себя сдачу зачетов по всем трем предметам, которые и решили бы мою дальнейшую судьбу.

Правда, слишком уж недобро смотрел на меня Кабанов...

Глава 3

Но пока я готовился к сдаче зачетов, произошло еще одно значимое обстоятельство, которое в значительной мере, тоже повлияло на мою дальнейшую судьбу.

Так уж вышло, что во внешний патруль я пошел не сразу, а намного позднее. Младший сержант Петров на одной из утренних пробежек серьезно подвернул ногу и, соответственно, с предстоящего наряда соскочил, причем аж на три недели. Как следствие, все почему-то переигралось – наряд в полном составе заменили. Меня неожиданно сняли с занятий и отправили в расположение готовиться к заступлению в наряд по роте, где, в общем-то, ничего интересного не было.

В патруль я попал уже с Бойко, во второй половине декабря.

Задачи у патрулирующих были очень простые, но вместе с тем ответственные – совершать обход всей подконтрольной территории, проверять целостность ограждений и в случае обнаружения каких-то подозрительных моментов, немедленно сообщать начпату. Тот уже докладывал дежурному по части, где и принималось окончательное решение и меры воздействия.

Пришлось утепляться.

Считай, почти сутки на улице, а декабрь выдался холодным и сырым. Именно из-за влажного Краснодарского климата, температура здесь ощущалась совсем иначе. Там, где было минус десять, здесь ощущалось как все минус пятнадцать, а то и больше. Заметил, что на этом фоне у меня обострился сухой насморк.

Нам зачем-то выдали тулупы из овчины, пожелтевшей от времени. Мне сразу вспомнился фильм с Вином Дизелем, где тот щеголял как раз в таком тулупе. На ногах валенки, сверху шапка. Одевать их сразу не стали, решили пока обойтись бушлатами и обычными сапогами – не минус сорок же.

Всего было организовано три группы по два человека, у каждого определен свой участок. Все вместе обходили воинскую часть по периметру, ничего сложного. Группа доходила до границы своего участка, поворачивала обратно. И так целые сутки, каждый час. Ночью все то же самое. Периодически можно было заходить погреться или выпить чаю в специально оборудованном пункте обогрева, но это когда совсем тяжело будет.

Младший сержант Бойко провел быстрый инструктаж, затем распределил участки. Сам он, как начальник, на обходы не ходил, а лишь принимал от нас доклады и отчитывался в дежурной части. Ну и вел документацию, иногда заменяя дежурного по КПП, когда тот уходил на прием пищи.

– Савельев, ты старший второй группы, – заявил он, сразу выделив меня среди остальных. – Так, вы со Степановым двигаетесь по участку номер два. Там территория глухая, ворот нет – сплошная стена. Да, кстати, часть освещения неделю назад демонтировали, тянут новую линию. Поэтому осторожнее, ноги не переломайте в темное время суток, грязи там хватает. Вопросы?

– Вопросов нет.

– Ну и отлично.

Наряд приняли, из оружия получили только штык-ножи. Автоматы Калашникова были положены только для караула. У каждого был аккумуляторный фонарь П-2, в серебристом корпусе, с длинной рукоятью.

Погода выдалась не самая лучшая, дул холодный пронизывающий ветер. Температура скакала в районе нуля градусов. Срывался редкий снег – не похоже, чтобы было что-то серьезное. Так, одно название.

Первые два обхода мы сделали без проблем. Маршрут простой – примерно метров четыреста до угла, а после него еще пятьсот. Там граница с крайней точкой третьей группы патрульных. Вдоль забора ни асфальта, ни бетона не было – утоптанная земля, местами раскисшая от влаги.

Какие тут могли быть нюансы? Да никаких.

Часть расположена глубоко в полях, до ближайшего населенного пункта километров семь. Нет, местных здесь хватало, но все прекрасно знали, чем чревато лезть на охраняемую территорию. Да и что там брать-то?

Оружие и боеприпасы надежно заперты на складе ракетно-артиллерийского вооружения, а тот под круглосуточной охраной караула. Столовая и продовольственный склад? Перспектива так себе. Нет, ну в теории продукты, конечно, воровать можно, но вряд ли нашелся бы индивид, который полезет на территорию воинской части за тушенкой. Оставался еще лазарет, но там особо не разбежишься. Про секреты я вообще молчу, кому они сдались?!

Вскоре стемнело. Судя по моим наблюдениям, было около десяти вечера. В казарме уже дали отбой – вот, где хорошо, лежишь под теплым одеялом и хорошо тебе. А тут: грязно, мокро и холодно.

Свернув за угол и двигаясь вдоль ограждения, мы периодически отключали фонари, чтобы те не сели раньше времени. Да и внутреннего освещения было достаточно, чтобы не провалиться в какую-нибудь канаву. Степанову быстро это дело наскучило – все одно и то же. Вокруг ни души.

Я случайно обратил внимание на то, что далеко в поле, где проходила одна из многочисленных дорог, горела пара огоньков. Автомобильные фары, не иначе. Наверняка определить было сложно, но, кажется, свет не приближался и не удалялся. Расстояние до машины было около восьмисот метров, но я вполне мог ошибаться.

– Дим, гляди туда! – я указал в сторону увиденного. – Машину видишь?

– Ага. Грузовая, вроде, – прищурился Степанов. – Хотя, черт его разберет. Будем докладывать?

– А что тут докладывать? До нее почти километр, мало ли кто там может быть.

Особого значения мы не придали. Хоть поселений рядом и не было, это мог быть кто угодно. Начиная от каких-нибудь заблудившихся колхозников, у которых тарантас сломался, и, заканчивая военными, которым срочно понадобилось что-то перевезти. Даже те же связисты вполне могли выбраться на очередной полевой выход или еще куда-нибудь. Согласно обязанностям, мы должны были фиксировать и докладывать обо всем, что вызывает подозрение. Но не в этом случае – слишком уж далеко.

Мы продолжили движение. Как назло, посыпал мелкий снег, ветер усилился. Так прошло минут десять. В какой-то момент я заметил, что свет погас. Ну, подумаешь, уехала машина. Из-за погодных условий не разглядеть дальше трехсот метров.

Дошли до конца маршрута, потоптались на точке. Ничего подозрительного здесь тоже не было. Впереди, светя фонарями по сторонам, показалась вторая патрульная группа – она двигалась к нам навстречу. Дождавшись и перекинувшись с товарищами парой слов, мы со Степановым отправились в обратный путь. Вообще, такой метод патрулирования был малоэффективным. Любой сторонний наблюдатель быстро раскусит такую схему, воспользовавшись этим в своих целях. Но командование считало такую меру вполне достаточной.

Следующие метров сто ничего необычного я не заметил – повсюду темнота, грязь. Снег летел в глаза, отчего те слезились. Видимость плохая, но терпимая. Ограда цела, ничего постороннего в поле зрения не было. Граница с полем представляла собой перекопанную трактором борозду, за которой росла сухая трава.

Миновав примерно половину пути, я вдруг заметил, что у одной из секций откуда-то появились комья грязи, как будто счищенные с сапог. Причем довольно много. И что-то мне

подсказывало, что когда мы проходили здесь в прошлый раз, этих комьев тут не было. Я подошел ближе, наклонился и осмотрел.

Отчетливо было видно, что в грязи присутствует смятая сухая трава – как если бы кто-то шел полем, а добравшись до ограды, решил почистить ноги. Выглядело как минимум странно. Мародеры?

– Дим! Ты ноги чистил? – поинтересовался я, вертя головой по сторонам.

Чутье военного дало о себе знать. И хотя я пока еще ничего не заметил, все равно внутренне напрягся. Любой другой на моем месте, скорее всего, просто прошел бы мимо, даже не обратив внимание на такую мелочь. Именно это и продемонстрировал мой напарник – для него грязь, как грязь, ее тут полно.

– Не-а. Толку-то? – громко зевнул Дима. – Через несколько метров опять налипнет. Пойдем уже, Леха. Чаю хочется.

Я выпрямился. Уходить не торопился.

Внимательно осветил фонарем ограду. Во всем секторе она была выполнена из простой сетки-рабицы, натянутой между столбов. Высота примерно метра два с половиной, может чуть больше. Сами столбы находились на равном удалении друг от друга, были вкопаны в землю, а для надежности еще и залиты бетоном. Сверху над сеткой шел ряд колючей проволоки, но ее натяжение оставляло желать лучшего. Многие крепления проржавели, и местами проволоку прицепили абы как. И именно в месте, где была грязь, «колючка» сильно просела, как будто бы случайно.

– Дим... – настороженно пробормотал я, заподозрив в этом некую последовательность. – Давай повнимательнее. Ну так, на всякий случай...

– Ага... Чего ты так напрягся? – стуча зубами, усмехнулся Степанов. – Видел бы ты себя, ну прям Шерлок Холмс.

– Пока ничего, – я никак не отреагировал на шутку. Перевел фонарь на заросли сухой травы – расстояние между оградой и полем было метра три-четыре. Спрятаться там было негде – борозда была узкой, размыта дождями. Все равно тщательно все осветил, но опять ничего подозрительного не обнаружил. Однако от этого мне спокойнее не стало.

– Пойдем уже, – напарник махнул рукой и медленно побрел вперед, светя себе под ноги.

Я повернулся в другую сторону, осветил – ничего. Где-то вдалеке были видны фонари третьей группы. Прислушался – ничего. Только выл ветер, да шуршал снег.

Нехотя двинулся за Димкой. Рассчитывал обо всем доложить Бойко – лучше уж перебдеть, чем недобдеть.

Степанов шел впереди, словно забыв о моем существовании. И вдруг, встал как вкопанный. В свете фонаря я видел только его спину. Однако свет его фонаря светил не вперед, а куда-то вниз.

– Ты чего? – сначала я ускорился, но потом тоже замедлил шаг. Дима почему-то не ответил.

– Степанов!?

Шагнув влево, я увидел, что в нескольких метрах впереди него кто-то стоит.

Насторожился – какого черта? Кто это? Может быть, начальник патруля решил проверить, как мы несем службу и двинулся по нашему маршруту? Не исключено, конечно, хотя и маловероятно.

Я сдвинулся еще левее, я отчетливо различил темный человеческий силуэт. Человек, одетый в какую-то темную одежду. Судя по ней – это точно был не Бойко и, вообще, невоенный. Луч света от фонаря Степанова бил ему прямо в ноги. Лица не разглядеть, скрыто шарфом или чем-то вроде того. Шапка натянута на глаза.

Кажется, у неизвестного в руках было ружье – ствол был нацелен точно между нами. Не заметить меня, он не мог.

Подняв свой фонарь, я тут же услышал крик.

– Фонарь в землю опустил! Живо! И не двигайся!

Вот дерьмо. Чуйка меня не подвела – здесь действительно были мародеры. Видимо, наше появление сбilo их с толку – что даже странно. Как так?

– Руки оба подняли! – последовал очередной приказ. Напарник подчинился беспрекословно. Я медлил.

– А тебе что, особое обращение нужно? – ствол ружья сдвинулся в мою сторону. – Руки!

Я подчинился, внимательно глядя на неизвестного человека. Сбоку послышалось чавканье, затем топот, словно кто-то сбивал грязь с ног. Послышался другой голос, более грубый.

– Ну и что с этими делать? Завалить?

Вот же попали. Здесь не один человек, два как минимум. И какая у них цель?

– Не надо, – ответил тот, что держал нас на прицеле. – Что они нам?

– Ладно. Тогда с ними будь.

– Э-э, мы так не договаривались.

Тот другой кашлянул. Выругался.

Послышалась возня. Какой-то скрип, цоканье. По звуку я определил, что, скорее всего, они пытаются перекусить полотно сетки-рабицы, чтобы что... Влезть внутрь? Очень серьезное обстоятельство. Дать бы сигнал, только что с нами будет после этого? Да и как его дать?

Ввиду того, что в нашей части очень давно не было прецедентов, сигнальные ракетницы патрулю не выдавались. Начальник склада РАВ зажал, сославшись на строгую экономию. Во многих частях это вошло в привычку – обычное раздолбайство, которого хватало везде и всюду. Во все времена.

Прошло еще несколько минут, а мы все стояли с поднятыми руками. Был ветер, сыпал мелкий снег, похожий на крупу. Нас по-прежнему держали на мушке. Я все никак не мог различить лица того, что стоял перед нами – он закутал его в шарф. И еще, задавался вопросом: сколько их? Двое, трое?

– Ну и долго мы будем так стоять? – крикнул я, перебивая шум ветра.

– Сколько нужно, столько и будете!

– Если мы не явимся на точку сбора, будут проблемы. Тревогу поднимут.

– Не поднимут, – хрипло усмехнулся тот, что резал рабицу. – Тут всем насрать!

И ведь верно сказал. Пока реально ничего не случится, никто и ухом не поведет. Уже проверяли – инцидент на стрельбище прямое тому доказательство. Жаль, видеокамер в то время еще не было. Годы не те. И страна тоже.

Минуты через четыре я услышал лязганье. Металлическое гроыхание. Кажется, срезали сетку. Какого черта они забыли в воинской части? Ради чего так рисковать?

Тот, что был вооружен, шагнул ближе, смотрел куда-то правее. Освещения со стороны было мало, но кое-что я все-таки заметил – в руках у него была двустволка. Кажется, то был ИЖ какой-то.

– Оба отвернулись, спиной к ограде, – скомандовал тот, что держал нас на мушке. – Руки держать так, чтобы мы видели!

Я определил, что, скорее всего, их только двое. Кажется, вооружен только один из них, но это не точно. Ну и что они намерены сделать? Ведь помимо нас есть еще и внутренний патруль, караул. Часовые на постах. По территории нет-нет, да ходит кто-то из офицеров.

Ветер подул еще сильнее.

– Что вы здесь хотите найти? – громко спросил я, но мне не ответили. Стоять с поднятыми вверх руками было тяжело, поэтому я сам не заметил, как опустил их почти до уровня головы. Повернул голову – стоял только один, второго не было. Уже хорошо.

– Чего пялишься, отвернись! – процедил тот, оказавшись совсем рядом со мной.

Судя по всему, говорившему было где-то около сорока. Видимо, нервничал, потому что голос дрожал.

– Лучше уходите отсюда! Если ничего не возьмете, вам за это ничего и не сделают! – я решил вывести его на разговор. Переговорщик из меня, может, и неплохой, но только не в сложившейся обстановке. Скорее всего, мародер, хоть и не закоренелый, но все же понимает, что к чему и как сильно они рискуют, наткнувшись на нас. Видимо, они вообще не рассчитывали встретить патруль. И только сейчас я понял почему – некоторое время, чтобы не сажать батареи, мы шли с отключенными фонарями. Они наверняка перепутали группы и решили, что мы ушли дальше – фонари были довольно мощными и их было видно издалека.

Заметив нас в последний момент и осознав, что идет патруль, попробовали затаиться – да только негде. Деваться некуда. А когда Дима наткнулся на одного из них, других вариантов уже не оставалось. Вот и пришлось им действовать решительно.

С самообладанием у меня было все в порядке – стрелять противник станет только если сильно испугается, или если мы окажем сопротивление. Но черт его знает, вдруг перед нами матерые волки?! В любом случае нужно хорошо все обдумать, проанализировать. Если мародеры сделают свое дело, а потом спокойно уйдут – ищи-свищи их потом, вокруг сплошные поля. Пока мы добежим, пока объясним, пока поднимут тревогу. Пройдет куча времени.

И все же, что именно им тут нужно?

Я перебирал в голове варианты, но никак не мог понять.

– Руки затекли, можно опустить? – вдруг произнес Степанов.

– Потерпишь!

– Не могу!

Мародер подошел к Димке, причем как-то слишком уж решительно. Резко ударил прикладом «вертикалки» по ногам, отчего мой напарник вскрикнул и рухнул на колени, прямо в грязь. Я дернулся, но тот ловко развернулся и ткнул меня стволом в бок, разом охладив мой пыл.

– Еще что-то выкинете, дыру в ком-нибудь сделаю! А ты заткнулся! Руки за голову. Молчите оба и ничего с вами не случится!

Я не нашелся что ответить, обстановка и так накаленная.

Вскоре послышались осторожные шаги. Шорох.

– Ну че? Взял?

– Ага. Два коробка, – прилетело со стороны. Снова шаги.

Я почувствовал, что ствол убрали.

Чавканье ног по грязи, шум. Шорох одежды.

Заскрипела сетка. Я быстро обернулся и убедился в том, что оба мародера были увлечены протаскиванием каких-то коробков через ограду. Момент просто идеальный.

Я резко обернулся и рывком бросился на вооруженного сзади. Тот успел только заметить угрозу, но не противостоять ей. Ударом ноги я откинул «вертикалку» в сторону, корпусом толкнул противника так, что мародер отлетел к сетке. Вся ограда содрогнулась, громко зазвенела. От сильного толчка сверху слетело плохо закрепленное кольцо колючей проволоки.

– А, суки! Федька, ты чего их в грязь мордой не положил? Все, вам конец, – второй с остервенением рылся в карманах, словно там было что-то, что могло в корне изменить ситуацию. Вытащил что-то черное, но холодные пальцы неожиданно подвели и предмет упал в грязь. Кажется, это был пистолет.

Тот грязно выругался. Наклонился.

Я не стал дожидаться, схватил валяющуюся рядом двустволку, навел ее на отморозка. Но первый неожиданно бросился под ноги, сбив меня с ног. Держать оружие в рукавицах было неудобно, поэтому оно выскользнуло, упав где-то за пределами моей видимости. Сражаться в зимней экипировке было крайне неудобно, даже ударить толком нельзя.

Подскочил Степанов. Ударом ноги оттолкнул от меня противника, хотел навалиться на него сверху, но и сам не удержав равновесие, грохнулся на спину.

Я приподнялся, откатился в сторону. Вцепился руками в мародера, пытавшегося добраться до оружия, потащил его на себя. Размахнулся и кулаком ударил под почку. Потом еще раз и еще. Но нанесенные мной удары, через теплую одежду были почти бесполезными... Мародер рычал, извивался. Пытался ударить меня локтем – один раз даже получилось.

А тут еще второй, видимо, бросив попытки отыскать в грязи пистолет, распихал коробки ногами, пробрался через дыру в ограде и решительно ринулся ко мне. Но сыграла роль, так некстати сорвавшаяся сверху колючая проволока – тот зацепился за нее, вскрикнул – кажется, острыми шипами его резануло по шее. Пока он выпутывался, снова вмешался Степанов. Завязалась борьба. Неразбериха.

Тот, что был подо мной, вдруг выхватил откуда-то нож. Взмахнул им, чиркнув по бушлату, распоров его до подкладки.

Я отпрянул, извернулся. Перехватил его руку и заваливаясь влево, подмял под себя. Мародер вскрикнул от острой боли, отпустил нож. А я с силой дважды заехал ему локтем в морду.

Он хрюкнул, обмяк. Практически перестал сопротивляться. С трудом поднявшись на ноги, я разглядел в свете фонаря, как второй мародер возится над Степановым. Кажется, он пытался задушить его.

В метре от себя я увидел винтовку. Схватил ее и направив чуть выше головы противника, выжал спусковой крючок. Громыкнуло.

– Отпусти его, тварь! – закричал я, дыша так, словно марафон пробежал.

Тот вжал голову в плечи, отпустил напарника. Затравленно посмотрел на меня. Плохо освещенное лицо было вымазано в крови – наверное, «колючка» подрала.

– Димон, ты как? – крикнул я, не спуская глаз с мародера.

Боец лежал, сильно кашлял. Кажется, хорошо ему досталось.

– Ну-ка, руки за голову, лишнее движение и у тебя в башке дыра! – заорал я.

– Ага, как же... – хрипло рассмеялся тот. – Там только один патрон!

Я выжал спуск – раздался только сухой щелчок.

Он непринужденно поднялся на ноги, посмотрел на меня с издевкой.

Вдруг завывла сирена. Мародер посмотрел в сторону части, затем на небо, а потом перевел взгляд на меня.

– Ну, пацан... Ты труп, понимаешь?! Влез туда, куда не просили.

– Не, не думаю, – заявил я.

– Скоро ты и думать разучишься... – Он рывком бросился обратно к ограде, видимо, хотел найти пистолет. Но тут со стороны складов, показались бегущие люди, в руках оружие и фонари.

Я рванул за ним и, перехватив двустволку, использовал ее как дубину, резко хрястнув ей ему по ноге. Отчетливо хрустнуло. Тот истошно заорал, схватился за голень.

Подбежал разводящий, за ним двое караульных с автоматами в руках. По пятам их догонял начкар.

– Какого тут происходит?! – с ходу спросил тот, держа пистолет в руках.

– Рядовой Савельев, внешний патруль, – доложил я. – Задержали двоих нарушителей, пытавшихся что-то вынести с территории! Вон ящики...

– Ясно! – рявкнул начальник караула в звании лейтенанта. Затем скомандовал своим: – Глаз с них не спускать. Лежать, уроды!

Я бросился к Степанову, но тот уже поднялся. Сел. Держался за горло и кашлял...

– Ну ты как?

– Жить буду. Во, попали, а?

– Ну да...

Подойдя к ящикам, я дернул на себя край и увидел внутри ярко-оранжевые коробочки. Штук сто точно. Это были знаменитые армейские аптечки АИ-2, в составе которых были «тарен» и «промедол»...

Так вот оно в чем дело – эти мародеры явились сюда за наркотой...

Глава 4

Обоих мародеров взяли под охрану, поместили в отдельное помещение.

Оперативно вызвали милицию. Но еще до приезда правоохранительных органов, непонятно откуда взялась уже знакомая мне «буханка».

Хлопнули двери. Из машины выбрался Андрей, все в той же черной куртке, в такого же цвета штанах. На голове шапка. Интересный персонаж – почти никто ничего про него не знал: ни фамилии, ни звания. Только структуру. Зато, видимо, полномочия у него были огого, потому что даже новый командир части в звании подполковника молча выполнял все его указания.

Не обратив на меня никакого внимания, Андрей тут же направился в изолированное помещение, где под вооруженной охраной содержали пойманных мародеров. Возни на месте происшествия было много, да и времени ушло прилично.

Но еще до того, как их увели, прямо там, на месте происшествия, я заметил любопытный момент – в поле снова вспыхнули автомобильные фары. На том же самом месте, что я видел ранее. Уж не знаю, те же самые или нет... Но вряд ли это совпадение. Хотя уже позднее я узнал, что дорога, проходящая через то поле, по дуге огибала нашу воинскую часть, так что ездили там все кому не лень. И все же, этот момент натолкнул меня на мысль что, скорее всего, мародеров было больше.

В любом случае их план провалился.

И тут была масса странностей, которая заставила меня задуматься. Во-первых, как они намеревались вынести коробки с аптечками со склада медикаментов? Там все было закрыто и опечатано! Так положено. Но почему-то именно сегодня начальника медицинской службы вообще не оказалось на службе, а дверь склада не закрыл растяпа-санинструктор. Причем последнему склад разрешила открыть старшая медсестра, которая в принципе не имела права давать такие указания. Кстати, санитарным инструктором оказался недавно назначенный срочник, который и двух слов связать не мог, не заикаясь при этом от страха.

Во-вторых, из-за того, что мы со Степановым нарушили их планы, мародер пошел на дело один... Второй-то держал нас на мушке! Ума не приложу, как он вообще прошел незамеченным по хорошо освещенной территории, при этом точно, зная куда идти? Откуда-то знал маршрут?! А куда же смотрели патрули – территория ведь открытая. Расстояние между зданиями большое, так что возле стен особо не попрячешься. И в-третьих, это ж насколько нужно быть отмороженными, чтобы с «вертикалкой» и пистолетом лезть на территорию воинской части, где тебя легко могут пристрелить часовые, вооруженные автоматами?!

Далее еще веселее... Попав в сложную ситуацию, они всерьез рассчитывали применить огнестрельное оружие, чтобы расчистить себе путь к свободе. Могли быть смерти, ранения. Откуда такая решительность? Так ведь и срок дадут куда больше и, черт-те что вообще могло из этого получиться.

Цель оправдывает средства? Ну, не знаю. Конечно, наркоту можно выгодно продать, однако нужно знать кому и где. А ребята на барыг не были похожи совершенно. Просто рабочие руки?!

Ну точно, мародеры действовали по чьей-то наводке.

Андрей беседовал с ними около часа. Я не сомневался, вести допросы гэбэшник умел хорошо... А на крайний случай есть же полиграф.

Когда приехала милиция, им пришлось ждать, пока комитетский закончит свой допрос. Так как был зафиксирован факт стрельбы, то неудивительно, что всю часть подняли по тревоге. Ближе к двенадцати, конечно, все улеглось и тревогу отменили. Но как следствие, весь наряд, заступивший в патруль, срочно заменили. Предыдущих в полном составе собрали в

одном месте, почти со всеми уже провели беседу. Только со мной почему-то никто не разговаривал, и это показалось мне странным. Пострадавшему напарнику Диме Степанову оказали медицинскую помощь – к счастью, серьезных последствий не было.

Явился и временно исполняющий обязанности командира роты старший лейтенант Кабанов. В полевой форме, на боку болтается кобура. Работы ему тоже хватало, особенно бумажной. Злой, недовольный – наверное, он вообще по жизни был таким.

Натянув на себя особенно угрюмую морду – в общем-то, она у него всегда была такая, он прошелся по территории, вошел в фойе здания штаба. Смерив меня недовольным взглядом, он двинулся к дежурному по части. Перекинулся с ним несколькими словами, что-то записал.

Рядом переминался с ноги на ногу младший сержант Бойко. Его, как начальника патруля, можно было и похвалить, и наказать одновременно. Если бы не мы со Степановым, то грабители бы совершенно беспрепятственно сделали то, за чем пришли. Внешний патруль справился со своими обязанностями. А вот внутренний – обосрался... И за него ответственным тоже был наш Бойко.

Но итог-то один – мародеры задержаны, хищения военного имущества не было. Хотя, конечно, роль Бойко тут минимальная. А вот начкару непонятно почему приписали особые заслуги – мол, отреагировал, принял меры, задержал. А я так, только наткнулся на угрозу, ну и предупредил. Как всегда, в таких случаях героем становится тот, кто подоспел в последнюю очередь.

Я спорить не стал. Мне эта слава ни к чему. Но вообще, терпеть не могу выскочек, обожающих приписывать себе славу других.

Несколько минут спустя ко мне подошел подполковник Харланов – недавно назначенный новый командир части. Вид у него был мрачный.

– Товарищ подполковник, патрульный второй смены рядовой Савельев! – представился я, вытянувшись по струнке.

– Вольно, – он махнул рукой, подошел ближе. – Савельев? Где-то я слышал твою фамилию уже. С Рыгаловым как-то связано? Нет? Ну, неважно. Получается, ты этих отчаянных обнаружил?

– Так точно. С трудом, но получилось.

– Дураки потому что. И как же вы вообще с ними столкнулись? – поинтересовался он.

– Случайно получилось. На обходе периметра мы некоторое время шли с выключенными фонарями, ну и погодные условия были не очень... – я намеренно говорил так, будто был еще под впечатлением от случившегося. Сбивался, перескакивал с пятое на десятое. На самом деле меня давно уже отпустило, но приходилось играть свою роль. Иначе были бы вопросы – слишком уж спокойно я выглядел. Солдат-срочник третьего месяца службы так себя вести по определению не может.

– Молодец, отличная работа. – Харланов протянул руку.

Я тут же ответил на рукопожатие: – Служу Советскому Союзу!

– А ты не заметил, их только двое было? – он приблизился ко мне и поинтересовался с каким-то особенным любопытством. Это меня сразу насторожило, но реагировать не стал.

– Да вроде, да, – я не стал говорить про замеченные в поле автомобильные огни. Опять чуйка сработала.

– Уверен? – вид у подполковника был какой-то подозрительный.

Но я не признавался, стоял на своем.

– Ладно, но я тебе такого вопроса не задавал, понял? Это так, между нами.

– Так точно, товарищ подполковник.

Галочку я себе поставил, явно тут что-то не так.

Неожиданно двери изолятора распахнулись, и оттуда вышел Андрей. Вид у него был слегка мрачноватый, во взгляде читалась какая-то уверенность и, пожалуй, еще усталость. В руках у него были свернутые в трубку листы желтоватой бумаги. Акты какие-то, что ли?!

Он пробежался глазами по окружающим, остановился на мне. Направился в нашу сторону.

– Товарищ подполковник, я заберу Савельева на пару слов? – спросил он у Харланова и, не дожидаясь разрешения, поманил меня за собой в коридор.

– Странный ты человек, Алексей, – усмехнулся он, когда завел меня в соседнее помещение рядом с изолятором. Когда такой человек смеется, это неспроста.

– Это еще почему? – напрягся я.

– Везде, где появляешься ты, что-то происходит. Сам посмотри... – Андрей начал загибать пальцы: – То ситуация на стрельбище, где ни разу ничего подобного не происходило. То твое противостояние с Рыгаловым – ты же в курсе, что его сняли с должности и вообще убрали из армии? Там в его карьере много чего всплыло... Ну, не суть. Теперь вот эти мародеры были абсолютно уверены в том, что смогут все сделать как надо. Ты не только нарушил их планы, не дав им действовать сообща, но и вообще завалил мужикам все дело. Стечение обстоятельств, но как-то уж... Затем в самом расположении роты ты умудрился нажать врагов среди сослуживцев и нашел способ решить проблему и там. Один. Ты, Савельев, настоящий магнит для неприятностей. А мне это на руку, люблю таких людей. И вообще, чем-то ты мне приглянулся...

Я шумно выдохнул. Андрей расценил это по-своему.

– Не зацкливайся, это я так, к слову. Однако не скрою – к тебе действительно много вопросов, вот только ответов ты не знаешь и сам... По глазам вижу.

– Как-то само получается, – отбрехался я, внутренне расслабившись. Впрочем, не всему, что говорит чекист, нужно верить на сто процентов.

– Ну, ясно. Может, хочешь мне еще что-то рассказать? – поинтересовался Андрей, задумчиво глядя в давно немытое окно. Что он там увидел – непонятно. И все же.

– Наверное... Да, – осторожно произнес я. – Перед тем, как столкнуться с мародерами, я видел в поле машину. С включенными фарами. Кажется, проникновение на территорию и та машина могут быть взаимосвязаны...

– Да? – он обернулся ко мне, но тут же снова уставился в окно. – Ладно, мы разберемся, преждевременных догадок строить не нужно.

Повисла напряженная пауза. «Гэбешник», видимо, ждал от меня еще какой-то информации, но мне добавить было нечего. А я, в свою очередь, ждал предложений от него, но и их не поступало.

– Обдумал насчет нашего предложения? – между делом поинтересовался он.

– Да.

– И что?

– Ну... Скорее да, чем нет, – уклончиво ответил я. Сделал это для того, чтобы показать неуверенность. Откуда солдат-срочник может знать, что там его ждет? Потому особо и не хватает за размытую перспективу. А если бы я с ходу согласился, вызвал бы новые вопросы – вряд ли найдется человек, который с радостью позволит себя завербовать просто так, без каких-то обещаний. А мне пока ничего не обещали.

Андрей коротко кивнул, развернулся и направился обратно к выходу. На половине пути остановился, обернулся.

– У меня задумка насчет тебя. Но это так, просто мысли...

Он вышел, и почти сразу столкнулся с подполковником Харлановым. Тот даже побледнел.

– Товарищ подполковник, у меня к вам несколько вопросов, – спокойно произнес Андрей, затем добавил, но уже с требовательными нотками в голосе: – Где мы можем поговорить?

– В моем кабинете, – офицер даже слегка побледнел. – Идемте!

Они вместе удалились.

Спустя несколько секунд в помещение вошел старший лейтенант Кабанов. Осмотрелся, подошел ко мне.

– Ну что, Савельев! Кого теперь подставить решил? – с какой-то неприятной ухмылкой спросил он.

Я насмешливо фыркнул. Это крайне не понравилось старлею – видимо, такой реакции он не ждал.

– Чего ты веселишься, рядовой? Я сказал что-то смешное?

– Да. Я никого не подставлял.

Тот осклабился, качнул головой, затем глянул в сторону выхода.

– Смотрю, уже к чекистам подлизываешься?

– Что за бред?

– Не понял! Ты как с офицером разговариваешь?! – Кабанов даже в лице изменился. – Наряд вне очереди, в столовую!

– Да хоть десять, – процедил я, посмотрев ему прямо в глаза. – Ваше поведение недостойно офицера. А эти слова звучат, как угроза. Кого же это я подставил и где? Дайте-ка угадаю, возвращение к старому вопросу о подполковнике Рыгалове? Остаюсь при своем прежнем мнении.

– Рядовой! В роту шагом марш! – побагровев от злости, распорядился Кабанов.

Я демонстративно козырнул, развернулся и быстрым шагом отправился в свое подразделение. Примечательно, что про меня разом все забыли. А вот Бойко почему-то еще не отпустили, видимо, для дальнейшего допроса. Хотя, его-то что допрашивать?

Наш взвод давно уже сдал оружие, отбилась досыпать.

Дневальный на тумбочке клевал носом, а другой, бурча себе что-то под нос, лениво елозил шваброй в районе канцелярии. Я снял бушлат, повесил его в специально отведенное для этого место. Хотел отправиться в туалет, но передумал – пошел в бытовую комнату.

Каково же было мое удивление, когда я увидел там рядового Трусова. Он был одет в зимнюю «Белугу», на ногах тапки. Услышав приближающиеся шаги, он вскочил со стула, как-то засуетился, занервничал. Попытался сгрести в охапку несколько листов бумаги, что лежали перед ним. Шариковая ручка упала на пол.

– Э-э, Савельев... – пробормотал он.

– Ты какого черта тут делаешь? – спросил я, спешно соображая, что он здесь вообще делает посреди ночи?! Выглядело так, будто трусливого кота поймали на горячем, когда он стащил с обеденного стола сосиску.

Я зашел, прикрыл за собой дверь.

– А я... По указанию, – залепетал Трусов. – Чего тебе?

Я ухмыльнулся, медленно направился к столу. Схватил первый попавшийся лист бумаги. Трусов попытался помешать мне, но я посмотрел на него такими глазами, что тот сразу сник и опустил руки.

Развернув лист, я пробежался по написанному глазами и маленько охренел...

Уважаемый Павел Сергеевич.

Докладываю последние наблюдения. В ночь с шестнадцатого на семнадцатое декабря, часть поднята по тревоге, Савельев при непонятных обстоятельствах задержал мародеров. Странно, что именно он. Догадываюсь, что он не так прост, каким кажется с первого

взгляда. Ранее я вам уже докладывал, что ваш сын Иванец Геннадий Павлович, попал в госпиталь по вине рядового Савельева. Эта информация не проверена, по причине того, что меня не было на точке. Продолжаю наблюдать. Ваше указание спровоцировать Савельева на конфликт, трудновыполнимо. Но я что-нибудь придумаю.

Жду дальнейших указаний.

С уважением, Трусов Владимир.

Я поднял голову и впился в него глазами.

– Это что за дерьмо? – процедил я, поднимая листок перед его лицом. На столе лежало еще два листа бумаги, но там все было перечеркано. Рядом лежал пустой конверт.

– Отвали, Савельев, – еще больше занервничал Трусов. – Не твое дело.

– Не мое? А ничего, что тут про меня написано?! Ты что же, гнида, стучишь на сторону? Кому?

– Никуда я не стучу.

– Не обувай мне бабушку в лапти! – прошипел я, ухватив его за ворот «Белуги». – Кому ты это пишешь? Говори, пока я тебе зубы не выбил!

Разумеется, я сразу понял, о ком речь. Для меня это стало полной неожиданностью. Трусов затрепыхался, словно рыба, попавшаяся на крючок.

– Ну!

– Это Иванец. Отец Гены. Я веду с ним переписку.

– Зачем? – я уже догадался, из-за чего тогда в госпитале сорвался наш договор. – Да говори ты!

– Он мне сильно помог, я не имел права отказаться, – на Вову было жалко смотреть. Всхлипывая, он мялся, но все-таки выложил все, как есть. Вряд ли бы он стал врать. – У меня мать серьезно заболела, а он денег на лекарства дал. Много денег.

– С этим ясно. Зачем пишешь фальшивку?

– Я не врал!

– Ну да, конечно... Какого черта ты ему рассказал, что это я виноват в том, что Генка пострадал? Все не так было. Да я его вытащил его из такого дерьма, что тебе, позорищу, и не снилось. Сидел бы там в овраге и хныкал, пока тот валялся с температурой под сорок и сломанной ногой. Ты сделал это намеренно, только зачем? Весь взвод в курсе был, чем история с полигоном закончилась... А, понимаю. Тот конфликт перед стрельбами? Из-за земляков своих, да? Решил подгадить мне?

Тот промолчал.

– Все с тобой ясно. Ну ты позорище, Трусов. Полностью соответствуешь своей фамилии, – с презрением выдохнул я, смял все листы и бросил на пол. – Пиши заново. Пиши, как есть.

Повернулся и, открыв дверь, вышел из бытовой комнаты. Оставшийся там «писатель» без звука сидел в одиночестве и размышлял. Ненавижу таких, как он.

Я лег на свою кровать, накрылся одеялом. Выдохнул. Ох уж вечерок выдался сегодня...

Спать пока не хотелось, хотя я пытался. Голова была забита мыслями, от которых голова кругом шла. Я то и дело ворочался, прокручивал в памяти произошедшее.

Вот как все повернулось... Проблема, из-за которой сорвалась моя договоренность с Павлом Сергеевичем, все это время была рядом – буквально лежала на соседней кровати. А все потому, что сыграла личная, ничем не обоснованная неприязнь. Скорее всего, Трусову поручили только наблюдать за мной и Генкой, докладывать. А эта ушлая скотина пошла дальше, используя ситуацию в своих целях.

Ну, теперь уже неважно, ничего не поправить. Теперь сделаем ставку на другой, более опасный и сложный вариант – он, конечно, пока еще очень мутный и совершенно непредсказуемый, но другого у меня пока нет и вряд ли появится.

Заснул минут через двадцать...

И снова, уже в который раз мне приснился странный сон, касающийся моей глобальной цели... Я был на Чернобыльской АЭС, на блочном щите управления № 4. Именно оттуда производилось непосредственное управление ядерным реактором, там же располагался и практически весь персонал.

Я поразился количеству управляющих элементов, датчиков, мигающих лампочек. Различных аварийных систем управления, регуляторов и контроллеров. В центре, прямо на стене, был смонтирован стенд контроля загрузки и функционального состояния управляющих стержней – на нем все было спокойно. Несмотря на то, что общий принцип функционирования реактора я знал хорошо, непосредственное управление и различные программы работы были мне практически неизвестны. Я же не физик-атомщик, в конце-то концов. То, что я готовился им стать в своей прошлой жизни, уже давно не существенно, многое выветрилось.

Я осмотрелся, взглянул на электронные часы на стене у входа – было одиннадцать тридцать две. Значит, пока еще двадцать пятое апреля. Почти два часа до аварии.

Раздавался мерный шум, тихий гул. Люди в белых халатах и головных уборах выполняли свою работу. Перекидывались отдельными фразами, что-то обсуждали. Рабочая обстановка спокойная, вообще ничего не предвещало аварии. Это обычная ночная смена, как и сотни других до нее... То же самое делают люди на остальных трех энергоблоках, за исключением предстоящего эксперимента.

Вдруг входные двери в БЩУ № 4 распахнулись, внутрь вошел человек, который был мне хорошо знаком, несмотря на то, что лично его не знал. Это был заместитель главного инженера Дятлов. Именно он руководил теми испытаниями в ночь на двадцать шестое апреля. Его потом признают виновным, посадят в тюрьму. В ней же, кажется, он и погибнет.

Под мышкой у Дятлова была картонная папка с программой предстоящих испытаний... Я точно знал, что подобный эксперимент проводился уже не один раз. Все предыдущие попытки были неудачными. Последний, в 1985 году, вообще отменили по причине того, что банально забыли включить осциллограф.

Как и в предыдущих снах, я снова был простым наблюдателем, мог только смотреть, но повлиять на что-то было выше моих возможностей. Я просто стоял и смотрел на то, как ночная смена всеми своими действиями и решениями приближает страшный момент. Даже в таком, будто бы бестелесном состоянии, от осознания того, к чему именно приведет эта спокойная рабочая обстановка, мне было не по себе.

И вдруг по непонятной причине, картинка начала удаляться, мутнеть. Вскоре я вообще перестал что-либо осознавать. Однако что-то подсказало мне – снов больше не будет.

Зато в голове ненавязчиво закрепилась мысль – что, если на самом деле в БЩУ № 4 произошло что-то еще?

* * *

На следующее утро меня вызвали перед строем и объявили благодарность за поимку мародеров, позарившихся на военное имущество. Поздравлял лично подполковник Харланов.

Чем там закончилась история – было неясно. Дело торопливо перехватили комитетские и оставалось только догадываться о результатах. Кто знает, может быть, всплыли какие-то иные интересные подробности?!

Один раз меня вызвали на допрос, но ничего нового я не рассказал. Даже не уверен, что это были люди из госбезопасности. Правда, позднее Андрей добавил к моим показаниям тот

факт, что я видел свет от автомобильных фар в поле. А еще я случайно подслушал разговор двух наших офицеров, будто бы у мародеров в части был свой человек, который оказывал им информативную помощь.

Кабанов после того разговора не переносил меня на дух. Продолжал смотреть волком, особенно после того, как мне объявили благодарность. Тот факт, что как человек он был полным дерьмом, меня больше нисколько не беспокоил. Здесь я, конечно, слегка поторопился с выводами.

А через три дня всему взводу объявили о дате проведения зачетов. Все в один день.

Предметов было три, все специальные с очень заковыристыми названиями. Один из них касался практического применения техники, два других предмета касались больше теоретической части. Состав и обслуживание техники, ремонт и документация к ней вошли в отдельный предмет. А последний предмет касался исключительно ведения секретного делопроизводства.

Смело могу заявить, я достаточно потренировался на практике, освоил теоретическую часть. Но неожиданно перед самой сдачей зачетов мне снова впихнули наряд по роте. Не иначе как точивший на меня зуб старлей постарался. Рассчитывал, что это выбьет меня из колеи? Конечно, неприятное обстоятельство, но я был спокоен как удав – чувствовал, что готов к сдаче!

Наряду пришлось сдавать зачет прямо так, в ходе дежурства. Временно назначались другие дневальные, а нас перекинули в класс для сдачи. Большая часть наших ребят уже «отстрелялась». Оставалось человек семь...

Экзаменаторы уже были на местах. Из коридора я видел самодовольную морду Кабанова... Тот уже предвкушал, намереваясь валить меня всеми возможными средствами. Ну ничего, пробьемся. Хотя, конечно, появился неприятный осадок.

Вся аппаратура была развернута, нужные ключи введены. В общем, все было готово к работе. Мне нужно только получить само задание и сесть на рабочее место. Уже собираясь войти в класс, я вдруг услышал приближающиеся шаги.

Из-за угла показался человек, которого я сегодня точно не ожидал здесь увидеть. Это был Андрей...

Глава 5

– Разрешите войти? – спросил я у председателя экзаменационной комиссии. – Рядовой Савельев прибыл для сдачи итоговых зачетов!

– Заходи, Савельев! – майор окинул меня быстрым оценивающим взглядом. – Так это ты отличился, обнаружив мародеров? Наслышаны о твоих недавних подвигах. Ну что, готов к сдаче?

– Так точно, – отчеканил я.

– Товарищ майор! – вдруг подал голос скептически настроенный старший лейтенант Кабанов, сидящий слева от председателя. – Савельев у меня в наряде по роте стоит, вряд ли от него много сейчас можно вытянуть. Может, примем у него зачет отдельно?

При этих словах Андрей, сидевший в стороне от комиссии, заинтересовано повернул к нам голову и прищурился. Видимо, предложение показалось ему интересным.

Председатель экзаменационной комиссии, выслушав комроты, перевел на меня вопросительный взгляд.

– Ну, можем и перенести. Запланирован резервный день. Только сдавать он уже будет не мне.

– Товарищ майор, разрешите сдать сейчас? – торопливо вмешался я, сделав голос как можно более уверенным. – Для меня это очень важно – целую неделю готовился!

Наверное, желание отразилось на моем лице, потому что ответ не заставил себя долго ждать.

– Ну, как скажешь. Тяни билет! – улыбнулся старший офицер, ткнув пальцем в разложенные на столе бумажные прямоугольники. Кабанов же, наоборот, скривился, как будто в рот дольку лимона сунули.

– Билет номер двенадцать! – громко объявил я.

– Замечательно, у вас двадцать минут на теорию, затем отработаете практический вопрос. Приступайте, Савельев.

Я прошел в глубину учебного класса, сел за стол. Осмотрелся.

Слева от меня сидел рядовой Степанов – по напряженному лицу было видно – тот в замешательстве. Видать, вопрос попался с подковырками. Чуть впереди я заметил Зайцева. Вокруг сидели и другие сослуживцы, кто-то еще писал, кто-то обдумывал, а кто-то уже смирился с тем, что больше оценки «удовлетворительно» ему не светит. Я пробежался глазами по своему билету – в общем-то, все понятно. Первый вопрос касался проведения технического обслуживания специальной аппаратуры, видов обслуживания и временных интервалов и консервации. Второй теоретический вопрос касался делопроизводства и выдачи бумажных носителей информации исполнителям.

За двадцать минут я развернуто написал ответы на оба вопроса. Конечно, без «отсебятины» не обошлось, но считаю, что знания показал достойно. Отложил бланк и ручку в сторону. Поднял руку.

– Товарищ майор, рядовой Савельев с теоретической частью закончил! Разрешите сдать?

– Давай.

Мельком взглянул на Андрея – тот выглядел заинтересованным. Какого черта он вообще явился на зачет? Разве у него есть допуск к секретам? Хотя, учитывая род деятельности, то наверняка допуск должен быть, но ограниченный. Он касался не только самой формы допуска, но и степени секретности. Я где-то слышал, что доступа к «совершенно секретным» сведениям у обычных комитетских не было. Значит, раз Андрей здесь, у него особый уровень. Очень любопытно. Кто же он такой на самом деле?

Я сел за стол, положил билет и бланк перед собой. И начал отвечать.

Разложил все так, что ни разу даже не заглянул в лежащий передо мной лист с уже написанными ответами. Сначала отстрелялся по первому вопросу, сразу же перешел ко второму. Пока рассказывал, комиссия слушала меня молча, что-то фиксировала в своих блокнотах. Только лишь Кабанов, как член комиссии (из-за нехватки кадров, его тоже включили в состав), морщился и кривился. Как я и ожидал, он тоже планировал задавать дополнительные вопросы.

– Ну что, товарищи офицеры и преподаватели... – обратился майор к членам экзаменационной комиссии. – Рядовой Савельев ответил на оба теоретических вопроса. Конечно, что-то было сказано своими словами, но видно, что он готовился. У кого-то есть сомнения?

Естественно, сомнения были только у Кабанова.

– Так точно, товарищ майор, – сразу же отозвался тот, шурша бумагами. – Вот хотел бы уточнить у рядового...

Озвучивая первый вопрос, он аж светился от предвкушения, намереваясь поскорее включить режим «валить без жалости». И ему было совершенно неважно, что я был его подчиненным – какой командир будет «давить» свой же личный состав? Наоборот, чем лучше отстрелялись подчиненные, тем лучше для командира. А тут все донельзя наоборот. Вот же гнида!

Не стану говорить, что именно он спрашивал, но я быстро убедился, что подготовился Кабанов заранее. Скорее всего, кто-то ему помог. Вопросы были максимально коварные, которые можно было трактовать по-разному. Можно было ответить так, а можно иначе. Но для этого нужно привести аргументы и доказательства. Если бы я ввязался с ним в дискуссию, тупо закопал бы сам себя в яму – тот только того и ждал. Знания у меня, конечно, были, но ограниченные. Поэтому я, тщательно обдумывая свои ответы, говорил кратко, стараясь выдавать только самую суть, без лишней шелухи.

Председатель комиссии сначала улыбался, потом кривился и хмурился. Задумчиво тер свою лысину, несколько раз прерывал меня. Уточнял. А увлекшийся старлей, сыпал все новые вопросы, тем самым заставляя меня нервничать. Вот же сволочь, пользуется положением... Удивительно, но майор не препятствовал этому, а наоборот, даже иногда сам встречал в процесс.

Затем подключился еще один член комиссии, правда, уже на свой лад. Валить не валил, но тоже задавал вопросы, от которых я даже вспотел. Остальные наши парни уже с интересом наблюдали за происходящим. Некоторые, услышав ответы на похожие вопросы в своих билетах, лихорадочно их записывали, стараясь ничего не упустить.

Наконец, после двадцати минут такого «интенсива», майор остановил коллег.

– Ну, даже не знаю, что тут сказать... – вздохнул он, глядя на свой бланк с какими-то закорючками.

– А что тут говорить, все же ясно! – Кабанов уже внаглую пошел в атаку. – Савельеву просто повезло. Вопросы в билете были легкие, вот он и написал. А когда мы копнули глубже, солдат и посыпался. Из семи вопросов он ответил только на три и то своими словами. Все же очевидно.

– Пожалуй, товарищ старший лейтенант, я с вами соглашусь. Правда, не пойму, зачем вы засыпали своего солдата вопросами?

– Я перфекционист. Понимаете, товарищ майор... Мне важно, чтобы воспитанные мной бойцы стали хорошими специалистами! Чтобы мне потом не было за них стыдно! – довольно ухмыляясь, произнес он. Наградил меня торжествующим взглядом. – А то приедут бездари в войска, потом телеграмму нам пришлют. Мол, кого вы нам тут обучили?!

– А ведь Кабанов прав, – согласился с ним гражданский преподаватель. – Слова настоящего офицера!

Я едва сдержался – и это настоящий офицер? Да мразь, самая натуральная.

– Вы знаете, товарищ Савельев, – помедлив, произнес председатель, который, больше был человеком науки, чем офицером. – Пожалуй, за теоретическую часть я вам больше тройки

поставить не могу. Практику можем вам поставить экстерном, но не выше оценки «удовлетворительно».

Мои сослуживцы возмущенно загудели.

– Ну-ка, тишину настроили! – повысил голос Кабанов, привстав и зыркнув на солдат. – Каждый успеет выговориться!

– Подождите, я что-то не понял... Я же ответил на два теоретических вопроса? Ответил! И на многие дополнительные! – возразил я, оглушенный таким неожиданным решением. – С чего такое решение?

– Да, но их качество и полнота очень хромает. К тому же вы часто ошибались или недоговаривали. Я вас много раз поправлял. Нет, точно, оценка «удовлетворительно».

Лично мне на «трояк» было абсолютно все равно. Но здесь был один важный момент, который, к сожалению, был решающим. Те, кто сдавали на низкую оценку, ехали либо к пингвинам, либо к белым медведям. Ну или к китайцам на Дальний Восток. А туда мне было совершенно не нужно. Более того, майор Сухов, еще, когда он был нашим ротным, как-то обмолвился, что первые пятеро из тех, кто лучше всего сдаст итоговые зачеты, смогут сами выбрать место для дальнейшей службы. Ну, в пределах разумного, конечно. Я уточнял, это реально было так. Именно на это я и надеялся... А сейчас, план сыпался прямо на ходу по вине Кабанова, закусившего на меня из-за той ситуации с подполковником Рыгаловым. Вот тварь.

Тут даже возразить было нечего.

Еще немного и мне в свидетельство бахнут отметку, которая решит дальнейшую судьбу, лишив меня возможности действовать. Но тут совершенно неожиданно вмешался Андрей.

– Товарищи офицеры и гражданский персонал, прошу минуту внимания, – громко произнес он, поднявшись со своего места. Неторопливо вышел на середину помещения, вздохнул. – Так, всем, кроме Савельева, покинуть помещение. Ну? Чего сидим, живее!

Солдаты повскакивали со своих мест и направились к выходу.

Обстановка явно вышла за грани обычного. Члены комиссии с удивлением смотрели на Андрея.

– Товарищ майор, вы забыли, кто перед вами? – Андрей указал на меня.

– И кто же? – почему-то вместо председателя ответил Кабанов. Все напряглись.

– Рядовой срочной службы, – спокойно пояснил Андрей. – Рядовой, а не начальник секретного отделения и уж точно не начальник поста ЗАС! По прибытии на место дальнейшей службы, его все равно будут переучивать. Большая часть того, что ему здесь дали, не пригодится в принципе. Что вы сейчас от него хотите? Ему полтора года отслужить, и он забудет все это как страшный кошмар. Судя по тому, как он отвечал, я уверен, что никто из его сослуживцев даже половины этого не расскажет. Поэтому настоятельно рекомендую поставить оценку отлично.

Лицо старлея перекосило от услышанного, но возразить он не посмел. Помнил, в какой структуре работал Андрей, ума хватило не связываться с чекистами. Председатель комиссии нахмурился, пробурчал что-то себе под нос. Внимательно на меня посмотрел, словно увидел впервые. Затем решительно взял мое свидетельство и бахнул туда оценку отлично. Рядом лег штамп.

– Рядовой Савельев, поздравляю вас! – негромко произнес он, протягивая корочку. – Теория и практика, оценка «отлично». Вы свободны.

Кабанов от досады легонько хлопнул ладонью по столу, но говорить ничего не стал. Его мнение тут мало кого волновало.

Я взял документ, поднялся и вышел из кабинета. Прикрыл за собой дверь.

– Леха, ну че там? Сдал? – сослуживцы ринулись ко мне. Их крайне заинтересовало произошедшее.

– Ага. Оценка «отлично».

– Шикарно! Ты ж им половину всего курса рассказал. Чего они завелись? А Кабанов совсем с катушек слетел.

– Он тебя, конечно, недолюбливал... Но тут явно перегнул. Чего он вообще хотел?

– Отправить меня к белым медведям, – признался я. – А вообще, откуда мне знать, какая муха его укусила?!

Столкнулся взглядом с Зайцевым, позади него стоял мрачный Трусов. Оба земляка смотрели на меня так, будто я у них последний кусок хлеба отобрал.

Я открыл полученное свидетельство, с удивлением отметил, что там уже стояли все необходимые подписи. Мне еще предстояло сдать его в отдел кадров, чтобы документ приобщили к личному делу. Через минуту я покинул учебный корпус, вышел на улицу.

Втянул носом свежий, прохладный воздух. Облегченно выдохнул. Зачеты сданы – но не они меня волновали. Главное, что теперь я смогу выбрать место службы. Если все так, то попрошусь именно туда, куда и собирался – на ЗРК С-75 «Волхов».

Вдруг позади меня раздался шум. Я обернулся и увидел Андрея.

Он неторопливо вышел, молча достал сигарету, понюхал ее, но прикуривать не стал. Уставился куда-то за горизонт.

– Спасибо за помощь, – произнес я.

– Не благодари, – он махнул куда-то рукой, затем спросил. – Смотрю, Кабанов к тебе неровно дышит? Почему?

– Точно не знаю. Как-то с Рыгаловым связан, вроде его ставленник, – наверняка он и так это знал. Просто решил узнать мою точку зрения.

– Ясно. Какие планы теперь?

– Продолжать службу, – сказал я. В общем-то, не соврал. – Лучшие, кто сдают экзамены на отлично, сами выбирают, где им служить дальше. Ну и вот.

– Да. Я в курсе. И куда же ты хочешь? В Москву, наверное?

– Нет. Домой хочу. Под Припять.

– Припять? – Андрей сделал вид, что удивился, но я быстро раскусил фальшивую постановку. Он читал мое личное дело и прекрасно обо всем осведомлен. Вот же актер. – Алексей... Знаешь, у меня есть предложение, от которого ты не сможешь отказаться!

* * *

Я закинул свой вещевой мешок на плечо, ухватился за поручень и влез в вагон.

Поезд Р-183, следующий по маршруту «Адлер – Минск», остановился на станции Краснодар-1 ненадолго, всего на несколько минут. Пропустив всех остальных пассажиров, я тоже полез внутрь.

Диспетчер вокзала по громкой связи уже объявила об отправке поезда.

Пройдя через тамбур, я миновал метров десять и остановился у двери. Сверил номер. Повезло – для меня забронировали купе. Так уж получилось, что попутчик у меня был только один – судя по всему, тоже военный. Но он спал и при этом храпел так, что аж булькал. В какой-то момент я даже подумал, что живой человек такие звуки издавать в принципе не может. Оказалось, может.

Моя полка была нижней, поэтому я сразу снял теплую одежду и определил свои вещи наверх. Все равно там пока было свободно. Сел за стол, уперся лбом в стекло и замер. Задумался.

Сопровождающего у меня не было – так определил Андрей. Вообще, так не должно быть, бойца срочной службы обязательно должен кто-то сопровождать. Но в моем случае отошли от правил, а все необходимые документы были при мне.

Сначала он собирался отправить со мной Пономарева, но не получилось. Тот был нужен ему на месте. Все процедуры по оформлению нужных документов чекист взял на себя. Я даже удивился – к чему столько внимания к моей кандидатуре? Ничего особенного я вроде пока не сделал, ну да, кое в чем проявил себя, но разве в этом причина? Пока что засветился я в хорошем свете, и нужно было постараться, чтобы так все и было в дальнейшем.

Задачу Андрей пока не определил, только место дальнейшей службы. По итогам сдачи меня назначили на должность оператора по работе с техникой специальной связи. Военно-учетная специальность была очень хитрой, в дополнении к основной аббревиатуре стояла дополнительная буква «С». Что это означало – я так и не узнал. У всех моих сослуживцев в свидетельстве такой буквы не было. Напоследок Андрей еще дал мне простое указание – ждать условного сигнала. Конечно, ничего не понятно, но очень интересно.

Кстати, стоит отметить, что уже близились новогодние праздники – оставалась всего одна неделя. Перед убытием на новое место службы я написал Юле и родителям письма, где намекал, что скоро вернусь в Киевскую область. В общем-то, довольно близко к самой Припяти.

Примечательно, но на ЗРК «Волхов» мне попасть не довелось. Я, конечно, слегка расстроился, но куда деваться? Вместо этого...

– Эй, служивый! – окликнул меня какой-то мужик, заглянувший в купе. – Мест свободных в вагоне нет, а у вас тут вроде свободно... Можно я у вас перекантуюсь до вечера? С меня угощение, ну?

При этих словах он поднял на уровень головы авоську, в которой лежали замотанные в потертую газету палка копченой колбасы, батон и стеклянная бутылка с бурой жидкостью. Еще в авоське было два яблока и пакет с пряниками. Как по мне – яблоки и пряники сюда явно не клеились.

– Да не вопрос, места хватит, – кивнул я, убирая вещевой мешок.

– Отлично, – мужик сразу повеселел, протянул руку. – Я Григорий.

– Алексей, – отозвался я.

– А спящего соседа?

– Да сам не знаю, еще не познакомились, – я пожал плечами, взглянув на попутчика.

– Понятно, – Гриша развернулся и быстро затащил в купе довольно большую сумку, с прикрученными снизу колесиками. Определил ей в углу место, расстегнул. Я мельком увидел, что внутри лежало несколько завернутых в газеты бутылок, судя по всему, с коньяком. А сверху лежал большой кассетный диктофон, блокнот и пара шариковых ручек, связанных между собой резинкой.

Затем снял свою куртку и уложил ее рядом с моим бушлатом. – Дембель, что ли?

– До демобилизации еще далеко, года полтора точно.

Пока тот располагался, я украдкой наблюдал. Обычный мужик, моего роста. Крепкий, поджарый. На лице недельная щетина, взгляд внимательный, но уставший. Тем не менее, он оказался очень общительным, то и дело болтал и что-то рассказывал.

– А едешь откуда? – Григорию было скучно, поэтому он всячески старался завязать разговор. Сразу видно, человек он открытый, общительный. Любитель почесать языком. И неважно, что человек незнакомый.

– Да прямо отсюда, из-под Краснодара, – ответил я, доставая из вещмешка пару консервных банок. – По распределению, к новому месту службы.

Я спешно анализировал обстановку. Угрозой от нового попутчика не веяло, по крайней мере, моя чуйка молчала. Я бы даже сказал, что с ним было легко. Но это еще ни о чем не говорило.

В то время были очень распространены случаи, когда пассажиров грабили прямо в поездах. Причем без шума и пыли. Спрашивали разрешения, спокойно подсеялись, выпивали

за знакомство. А ночью, когда все уже спали, попутчик ловко обчищал соседей и по-тихому выходил на ближайшей остановке. Схема проста как мир.

Снаружи объявили об отправке поезда. Прошло еще минуты полторы, после чего состав дернулся, лязгнули межвагонные сцепки. Мы начали медленно набирать скорость. Гриша выдал дежурную фразу:

– Холодно что-то. Может, накатим немного? – поинтересовался он, посидев с минуту. – У меня как раз настойка на травах, у целительницы местной брал.

– Я не пью, – вежливо отказался я, хотя, честно говоря, от настойки на травах пахло просто восхитительно. Ценил я это дело, правда, еще в той, прошлой жизни.

– А это не чтобы пить, это чтобы организм согреть, – обиженно возразил Гриша.

В целом, мне предстояло ехать до Минска почти двое суток. Так что одна рюмка мне точно не повредит. Ну или две.

– Ну, ладно. Одну можно, – подумав, согласился я.

Столик был небольшим, но правильным. Закончив резать колбасу, сосед достал из сумки небольшую алюминиевую кружку с крохотной ручкой, дунул в нее. Свою эмалированную кружку я поставил рядом.

Нарезанная ароматно-пахнущая копченая колбаса щекотала ноздри, сразу чувствовалось – домашняя. А я так давно не ел ничего домашнего.

– Ну, за знакомство, – торжественно произнес Гриша и опрокинул в себя содержимое. – Ух, хороша настойка.

Божественный напиток, чем-то напоминающий современную «Бехтеревку», оказался куда мягче и приятнее. Хорошо согрел горло, а во рту оставалось приятное послевкусие.

– Ну что, Алексей, как служба? – попутчик был каким-то слишком уж говорливым. – Род войск-то какой у тебя? А то я такого шеврона никогда и не видел.

– Да нормально. Связист, – отбрехался я. Разговоры разговорами, но нужно быть осторожным. Мало ли кто передо мной.

– Понятно, – Григорий сунул в рот кругляш колбасы, тут же его разжевал. – А я вот раньше на золотых приисках был, сторожем. А теперь строитель. Точнее, бетонщик. Бетоном занимаюсь.

Я невольно обратил внимание на его руки – они совсем не были похожи на руки того, что месит бетон. Пальцы слишком тонкие, белые. Такие обычно бывают у писарей в штабах. Или у пианистов.

– А что именно, дома жилые? – поинтересовался я, тоже пробуя колбасу.

– Не, парень, – он снова потянулся к бутылке, – мелко берешь. Моя бригада на атомной станции фундамент заливает.

– На какой еще станции?

– Чернобыльской, – вздохнул он.

Услышанное меня крайне заинтересовало.

Неожиданно я вспомнил довольно объемный материал, который отыскал на одном из многочисленных сайтов. Там целая страница была посвящена разбирательству на тему того, что при строительстве первых энергоблоков на ЧАЭС была допущена масса проектных и технических ошибок... То марка бетона не та, то цемента недосыпали, то трубы из металла плохого качества. Арматура не соответствовала государственному стандарту, а изоляцию между перекрытиями вообще уложили как попало. То ли должного контроля не было, то ли сказалась максимальная экономия...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.